

З В Е З Д Ы М И Р О В О Г О Д Е Т Е К Т И В А

Это блестяще написанная
и чертовски жуткая книга...

Стивен Кинг

МАЙКЛ МАРШАЛЛ ТЕ, КТО ПРИХОДЯТ ИЗ ТЕМНОТЫ

Майкл Маршалл

Те, кто приходят из темноты

Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42936080

Те, кто приходят из темноты: Азбука; Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-389-16964-7

Аннотация

Для бывшего полицейского Джека Уолена все началось с визита к другу детства, адвокату, который просит Джека помочь в расследовании жестокого преступления. Убита семья ученого с мировым именем, а сам ученый бесследно исчез. Но Джеку хватает собственных проблем. Ему не дают покоя события прошлого, давшие повод для его увольнения из управления полиции Лос-Анджелеса. Но самое главное – у него пропала жена. И все же Джек соглашается помочь другу. Ему пока невдомек, что жестокое преступление и пропажа жены связаны между собой. И связывают их те, кто приходят из темноты...

Содержание

Пролог	5
Часть I	16
Глава 1	16
Глава 2	32
Глава 3	41
Глава 4	52
Глава 5	67
Глава 6	77
Глава 7	93
Глава 8	102
Глава 9	116
Глава 10	124
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Майкл Маршалл

Те, кто приходят

ИЗ ТЕМНОТЫ

Michael Marshall
THE INTRUDERS

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Натаниелю.
Я это сделал*

*Откуда мы можем знать, что мы все не
обманщики?
Жак Лакан. Четыре основные понятия психоанализа*

Пролог

Бум, бум, бум. Грохот разносился по всей улице. Странно, что соседи не начинали возмущаться. Вернее, не делали этого активнее и яростнее. Сама Джина ни за что не стала бы терпеть подобное, в особенности когда на всю мощь орет такая отвратительная музыка. Она знала, что, как только войдет в дом, ей придется подняться наверх и, стараясь перекрыть дикий шум, сказать Джошу, чтобы он сделал свою музыку потише. А еще она знала, что он посмотрит на нее, как смотрят все подростки, – так, будто пытаются понять, кто ты такая, и что дает тебе право их беспокоить, и что, черт дери, случилось с твоей жизнью, и почему ты стала такой старой занудой. Впрочем, Джош, по сути, хороший сын, поэтому он закатит глаза и слегка убавит звук на стереосистеме. Но постепенно музыка будет становиться все громче и через полчаса завопит еще сильнее, чем прежде.

Обычно разборками с ним занимается Билл – если не прячется в подвале со своими железками, – но сегодня он отправился на встречу с факультетскими коллегами. И отлично. Потому что Билл удовлетворит свою любовь к боулингу без участия Джинны, которая это дурацкое занятие терпеть не могла, а еще потому, что он очень редко выходит из дома. Раза два в месяц они ужинали где-нибудь вдвоем, но в этом году он почти все дни исчезает после обеда внизу с га-

ечным ключом в руке и с довольным выражением на лице. Какое-то время из подвала доносились странные глухие звуки, которые отдавались низким гудением во всем теле, но, к счастью, это прекратилось. Мужчине полезно время от времени уходить из дома и встречаться с другими мужчинами, хотя Пит Чен и Джерри Джонсон самые чокнутые придурки из всех, каких Джине довелось встретить за свою жизнь, – она даже представить себе не могла, что они мухлюют в боулинге, выпивают или делают хотя бы что-нибудь, не имеющее отношения к «Юниксу» или паяльнику.

Кроме того, так она могла немного пожить для себя, а это просто замечательно – вне зависимости от того, как сильно ты любишь своего мужа. Джина собиралась посидеть пару часиков перед телевизором и посмотреть то, что захочется ей, – к чертям собачьим научно-популярные каналы. В качестве подготовки к «вечеру свободы» она зашла в дорогой супермаркет на Бродвее, купила кое-что на неделю и немного вкусностей для себя – на вечер.

Когда Джина открыла входную дверь, на нее хлынул поток еще более оглушительного рева. Ей стало интересно, приходило ли когда-нибудь Джошу в голову, что его скучная мамаша когда-то тоже развлекалась по полной. Что перед тем, как она влюбилась в молодого преподавателя физики Билла Андерсона и начала вести счастливую жизнь домохозяйки, она частенько болталась по темным переулкам в окрестностях аэропорта Сиэтл-Такома, обожала громкую музыку, пи-

ла дешевое пиво и не раз просыпалась с такой головной болью, как будто кто-то колошматит ее по затылку молотком, а то и двумя. Что она отплясывала под «Перл Джем»¹, «Айдиал Мосолиум»² и «Нирвану» в те времена, когда они были всего лишь местными знаменитостями, язвительными и голодными, а не умирающими звездами с пустыми лицами, – особенно в ту летнюю ночь, когда они все дружно решили заняться серфингом, ее отчаянно тошнило, потом ее уронили головой вниз, но закончилось все вполне успешно в сыром, пропахшем наркотой туалете с каким-то парнем, которого она не встречала ни до того, ни после.

Скорее всего, такое ее сыну в голову не приходит. Она улыбнулась своим мыслям.

Вот вам и доказательство того, что дети знают далеко не все.

Через час Джина решила, что с нее достаточно. Громкая музыка ей почти не мешала, пока она смотрела телевизор краем глаза, да и звук стал на некоторое время немного потише, – видимо, Джош делал уроки, и она испытала невероятное облегчение. Но пронзительные вопли снова набирали силу, а через десять минут начинался повтор серии «Запад-

¹ «Pearl Jam» – рок-группа из Сиэтла (штат Вашингтон), образована в 1990 году.

² Следов существования группы «Ideal Mausoleum» обнаружить не удалось. Вероятно, выдумка автора.

ного крыла», которую она пропустила. А чтобы следить за тем, что происходит у этих парней из Белого дома, говорящих со скоростью пулемета, нужно иметь свежую голову, тишину и покой. Кроме того, было начало десятого, а это уже не шутки.

Джина заорала, подняв голову к потолку (комната Джоша находилась прямо над ней), но, судя по всему, старалась зря. Тяжело вздохнув, она поставила изрядно опустевшую тарелку на кофейный столик и встала с дивана. Медленно поднялась по лестнице, чувствуя, как ей мешает идти стена шума, и принялась колотить в дверь сына.

Довольно быстро ей открыл тощий паренек с чудной прической. На какое-то мгновение Джина его даже не узнала. Перед ней стоял не мальчик, ничего подобного, – она вдруг поняла, что они с Биллом живут в одном доме с молодым мужчиной.

– Милый, – сказала она, – я не хочу критиковать твои предпочтения, но нет ли у тебя чего-нибудь более похожего на музыку, раз уж ты решил включить ее так громко?

– Чего?

– *Сделай потише.*

Он криво ухмыльнулся и вернулся в комнату, чтобы убавить звук. Шум уменьшился вполовину, и Джина осмелилась войти. Она вдруг сообразила, как давно не была здесь одновременно с сыном. Когда-то они с Биллом не один час просиживали на этом полу, наблюдая за тем, как их малыш

ковыляет на неуверенных ножках по комнате и с победным «га!» приносит им разные вещицы, а они восхищаются волшебством, происходящим у них на глазах. Потом они укладывали Джоша в кровать и читали ему сказку, иногда две или даже три, а годами позже помогали сыну с домашними заданиями, решали вместе задачки по математике.

Но с прошлого года правила изменились. Теперь она заходила сюда одна, убрать кровать или сложить футболки в стопку. Она делала все быстро и не задерживалась ни на одну лишнюю минуту, потому что слишком хорошо помнила свою юность и уважала личное пространство сына.

Среди хаоса раскиданной повсюду одежды, футляров от дисков и останков по крайней мере одного разобранного на составляющие компьютера она заметила признаки того, что он делал уроки.

– Как дела?

Джош пожал плечами. Она помнила, что он сражается с французским.

– Нормально, – добавил он.

– Хорошо. А кого ты слушаешь?

Джош едва заметно покраснел, словно его мамочка задала неприличный вопрос.

– Стью Резни, – с вызовом ответил он. – Он...

– Был ударником в «Фэллоу». Я знаю. Слушала их в «Астории». До того, как они распались. Он был так истощен, что свалился со своего стула.

Она еле сдержала улыбку, когда увидела, что от удивления у ее сына брови поползли вверх.

– Ты не мог бы сделать звук потише, хотя бы на время, милый? Я хочу посмотреть телевизор. Кроме того, прохожие на улице едва передвигают ноги и зажимают руками кровоточащие уши, а тебе прекрасно известно, как плохо это влияет на стоимость недвижимости.

– Конечно, – сказал он с открытой улыбкой. – Извини.

– Ничего страшного, – ответила она.

«Надеюсь, у него в жизни все будет просто замечательно», – подумала она.

Он был хорошим мальчиком, вежливым, немного ленивым, но тем не менее делал почти все, что положено, по дому или по учебе – рано или поздно. Без малейшего намека на эгоизм Джина считала, что характер сына – заслуга не только мужа, многое он взял от нее. Этот молодой человек много времени проводил в одиночестве и редко выглядел более счастливым, чем когда что-нибудь разбирал, а потом собирал. Все это, конечно, хорошо, но она надеялась, что пройдет совсем немного времени, прежде чем она заметит у него признаки первого похмелья, – мужчина не может жить только возней со всякими железками, даже в наши странные времена.

– Чуть позже, – сказала она себе, надеясь, что это прозвучит сколько-нибудь убедительно.

В дверь позвонили.

Быстро спускаясь по лестнице, Джина услышала, что музыка стала тише, и улыбнулась. Когда она открыла дверь, на ее лице еще оставалось довольное выражение.

Снаружи было темно, и фонари на углу отбрасывали оранжевый свет на листья, устилавшие тротуар и лужайку. Ветер резвился среди тех, что еще оставались на деревьях, и они, кружась, падали на землю и уносились к перекрестку.

У двери стоял человек, высокий, в длинном темном пальто.

– Слушаю вас, – сказала Джина.

Она включила на крыльце свет и увидела мужчину за пятьдесят, с короткими темными волосами, землистой кожей и плоским лицом. Его глаза тоже казались темными, почти черными, и в них не было глубины, словно кто-то нарисовал их прямо на лице.

– Я ищу Уильяма Андерсона, – сказал он.

– Его сейчас нет. А вы кто?

– Агент Шеперд, ФБР, – ответил мужчина и закашлялся. –

Вы не против, если я войду?

Джина была против, но он поднялся на крыльцо и, обойдя ее, вошел в дом.

– Секундочку, приятель, – сказала она, оставив дверь открытой и следуя за ним. – Могу я взглянуть на ваши документы?

Мужчина достал бумажник и открыл его, даже не потру-

дившись посмотреть в ее сторону. Вместо этого он принялся внимательно разглядывать комнату, затем поднял голову к потолку.

– В чем дело? – спросила Джина.

Она успела разглядеть три заглавные буквы, но ей совсем не нравилось, что у нее в доме появился настоящий живой федерал.

– Мне нужно поговорить с вашим мужем, – ответил мужчина, и его спокойный, уверенный голос делал ситуацию еще более абсурдной.

Джина уперла руки в бока. В конце концов, это был ее дом.

– Я уже сказала, что его нет.

Мужчина повернулся к ней, и его глаза, казавшиеся мертвыми и ничего не выражающими, начали оживать.

– Да, сказали, и я вас слышал. Я хочу знать, где он. И еще мне нужно осмотреть дом.

– А вот это вряд ли. Не знаю, что вам тут надо, но...

Он вскинул руку так быстро, что она даже не заметила его движения, только почувствовала, как нижнюю челюсть будто зажало клещами.

Джина была настолько потрясена, что не произнесла ни звука, когда он начал медленно подтаскивать ее к себе. А потом она закричала – сказать что-то внятно мешала вцепившаяся в челюсть рука.

– Где? – спросил он по-деловому, почти скучающим то-

НОМ.

Джина понятия не имела, о чем он ее спрашивает. Она попыталась вырваться, сначала била его кулаками, потом принялась лягаться и трясти головой. Он терпел это примерно секунду, а потом занес свободную руку и ударил Джину по голове. В ушах зазвенело – словно по земле покатила крышка от колеса, и Джина чуть не упала, но он удержал ее, дернув за челюсть с такой силой, что казалось, сейчас ее оторвет.

– Я все равно найду, – сказал он и дал ей пощечину. – Но вы можете сэкономить нам обоим время – и облегчить жизнь. Где это? Где он работает?

– Я... не...

– Мама?

Джина и мужчина повернулись одновременно и увидели Джоша на нижней ступеньке лестницы. Он хмурился, его глаза испуганно моргали.

– Отпустите мою маму.

Джина попыталась сказать Джошу, чтобы он возвращался назад, наверх, и как можно быстрее, но вместо слов с ее губ срывался лишь отчаянный, беспомощный стон. Мужчина за сунул руку в карман плаща и начал что-то оттуда доставать.

Джош спрыгнул с лестницы и помчался через гостиную.

– Отпустите мою...

Джина успела подумать, что она ошиблась и ее сын еще вовсе не мужчина, а маленький мальчик, просто он сильно

вырос, стал худощавым, и в эту секунду агент выстрелил ему в лицо.

Она дико закричала или попыталась закричать, а мужчина тихо выругался и, волоча ее за собой, прошел к входной двери, которую быстро захлопнул.

Затем он снова втоптал ее в комнату, где сын лежал на полу, и она увидела, как дергается его рука и нога. У Джины застило глаза, от ужаса она начала заикаться. Мужчина ударил ее в челюсть, и Джина отключилась.

Прошла секунда, а может, несколько минут.

В конце концов Джина пришла в себя и поняла, что лежит на полу, опираясь головой в сиденье дивана, на котором несколько минут назад она так уютно устроилась перед телевизором. Тарелка с едой лежала, перевернутая, на расстоянии вытянутой руки. Челюсть как-то странно висела, и ею нельзя было пошевелить. А еще казалось, будто в уши кто-то вонзил длинные ногти.

Мужчина в плаще сидел на корточках рядом с Джошем, чья правая рука все еще шевелилась, медленно прокладывая дорожки в луже крови, которая текла из его головы.

Джина почувствовала запах бензина. Мужчина закончил выливать на ее сына содержимое маленькой жестяной канистры, бросил ее на тело и выпрямился.

– Последний шанс, – сказал он, взглянув на Джину. На лбу у него выступили капли пота, хотя в доме не было жарко. В

одной руке он держал зажигалку, в другой – пистолет.

– Где?

Он щелкнул зажигалкой и занес над Джошем, глядя Джине в глаза, но она знала, что в любом случае уже может считать себя покойницей.

Часть I

Худшая из опасностей – потеря своего Я – может пройти у нас совершенно незамеченной, как если бы ничего не случилось. Ничто не вызывает меньше шума, никакая другая потеря – ноги, состояния, женщины и тому подобного – не замечается столь мало.

Сёрен Кьеркегор. Болезнь к смерти. Перевод С. А. Исаева

Глава 1

В средней школе я знал одну девочку, ее звали Донна, и даже это было в ней неправильно, словно в роддоме ее подменили. Она не была Донной. По крайней мере, в этом мире. При взгляде на нее возникало ощущение, что у Вселенной есть свой скрытый ритм, и вы понимали это именно из-за того, что Донна в него не попадала. Она ходила чуть быстрее, чем нужно, поворачивала голову чуть медленнее, чем нужно. Казалось, будто она принадлежит к иному, не совсем нашему миру. Она была из тех детей, которых видишь с кучей книг в руках или стоящих робко с другими ребятами, о чьем существовании ты даже и не подозревал. У нее имелись друзья, она была неглупой и хорошо училась – в общем, не

была неудачницей в обычном понимании этого слова. Просто оставалась незаметной.

Как во всех школах, у нас имелся собственный стандарт красоты, и Донна в него не укладывалась. У нее была бледная кожа и тонкие безупречные черты лица, если не считать полукруглого шрама у правого глаза – наверное, ударились о край стола, когда еще только училась ходить. Если вы вдруг встречались с ее ясными темно-серыми глазами, только тут вы неожиданно замечали ее существование – и начинали спрашивать себя, а была ли она здесь до того. Немного худая, но очень славная и милая во всем остальном, вот только каким-то непостижимым образом... никакая. Словно ее тело не выделяло феромонов либо ее сексуальные флюиды действовали на другой, недоступной длине волны, передавая сигналы устаревшим или еще не изобретенным приемникам.

И тем не менее я считал ее привлекательной, хотя не смог бы объяснить почему. Так что я заметил, что вроде бы она околачивалась неподалеку от парня по имени Гэри Фишер. Он был из тех, кто ходил по коридорам словно под пение фанфар. Из-за таких любой, кто прошел через американскую школьную систему, слабо верит в философию всеобщего равенства. Он отлично играл в футбол и теннис. Входил в состав баскетбольной команды. И естественно, был красавчиком. Когда Бог посылает кому-то спортивный дар, он не забывает и о яркой упаковке. Фишер не был похож на актеров, которых мы сейчас видим в фильмах для подростков, боже-

ственно неотразимых, со слащавым личиком, но в те дни, когда все мы каждое утро с отвращением смотрели в зеркало, пытаясь понять, что же такое с нами случилось и изменится ли оно к лучшему или к худшему, он выглядел как надо.

Как ни странно, при всем при этом он не был полным козлом. Я его немного знал, мы встречались на стадионе – у меня был небольшой талант в том, что касалось швыряния предметов на расстояние. Из разговоров на стадионе мне стало известно, что в высших кругах произошла перегруппировка сил, которая главным образом заключалась в том, что девчонка Гэри, Николь, начала встречаться с его другом в результате добровольной передачи имущества одного владельца другому. Не нужно было обладать особой наблюдательностью в области общественной жизни, чтобы увидеть, какой конкурс образовался на открывшуюся вакансию.

Но самым интересным оказалось то, что Донна тоже решила принять участие в этой гонке, более того – с надеждой на победу. Словно получила откуда-то секретные данные о том, что система отбора – это чистой воды иллюзия и иногда можно вставить квадратный колышек в круглую ямку. Она, разумеется, не могла сидеть с ним за одним столом во время обеда, но постоянно оказывалась в поле зрения Гэри, «случайно» налетала на него в коридорах и нервно хихикала. Я даже видел ее пару раз в пятницу в пиццерии «У клевого Боба», где народ любил собираться в начале выходных. Она останавливалась около столика, за которым сидел Фишер, и

говорила что-нибудь про уроки или домашнее задание, но ее замечание встречало лишь молчание. Затем она отходила, нарочито медленно, как будто ждала, что ее окликнут. Однако ничего такого ни разу не произошло. Если не считать того, что Фишер слегка удивлялся, он вряд ли замечал, что происходит. Через пару недель в какой-то позолоченной задней комнате – или, скорее всего, на заднем сиденье позолоченной машины – была заключена сделка, и однажды утром Гэри увидели в обществе Кортни Уиллис, роскошной блондинки, будто сошедшей со страниц глянцевого журнала. Жизнь продолжалась.

Для большинства из нас.

Два дня спустя Донну нашли в ванне в доме ее родителей. Она аккуратно, всего лишь со второй попытки, вскрыла себе вены. Я много раз слышал, как взрослые говорили, что это был не самый быстрый способ покончить с собой. Хотя она ускорила процесс, воткнув маникюрные ножницы себе в правый глаз – как будто ее шрам был предзнаменованием того, что должно было с ней случиться. На полу лежало написанное от руки письмо, адресованное Гэри Фишеру, буквы размыла вода, перелившаяся через край ванны. Многие потом утверждали, что видели это письмо или его фотокопию либо слышали, как кто-то рассказывал о его содержании. Но насколько мне известно, все это неправда.

Новость распространилась невероятно быстро. Народ проделал все необходимое, от плача до молитв, но не ду-

маю, что кого-то из нас смерть Донны потрясла по-настоящему. Лично я не был удивлен и не особенно переживал о случившемся. Звучит ужасно жестоко, но, по правде говоря, произошедшее выглядело вполне логично. Донна была очень странной девочкой.

Странная девочка, дурацкая смерть. Конец истории.

Для большинства из нас. Однако Гэри Фишер отреагировал не так, как остальные, и тогда меня это сильно поразило. В те времена все казалось новым и необычным, любая мелочь делалась событием в нашей еще толком не начавшейся жизни. Стоило кому-нибудь из одноклассников сделать что-то крутое, и он становился местным Клинтом Иствудом. Прошлогодня вечеринка обретала статус легенды, награждая ее участников прозвищами на всю оставшуюся жизнь. А когда кому-то удавалось прорваться в дальний угол левого поля – это было историческое событие.

В следующий понедельник мы узнали, что Фишер бросил команду. Все команды. Он стоял и молча слушал, как на него кричат тренеры, а потом просто взял и ушел. Возможно, в наше время такой поступок мог бы принести определенную славу, но не в восьмидесятых и не в городке, где я вырос. Его решение вызвало недоумение и вывело всех из равновесия – Золотой Мальчик, Который Все Бросил. Теперь его видели около школы лишь шагавшим из библиотеки на занятия, как будто он занял место Донны. Фишер старательно учился. Очень много. За несколько следующих месяцев его

средний балл вырос, сначала чуть-чуть, потом значительно. Из ученика, получавшего посредственные оценки – причем некоторые из них благодаря спортивным достижениям, – он стал хорошистом, а затем отличником. Возможно, ему дома помогали родители, но я в этом сомневаюсь. Мне кажется, он, образно говоря, решил поменять беговую дорожку – стать другим человеком. В конце концов он начал появляться только на уроках. Остальные относились к нему с опаской. Никто не хотел подходить слишком близко: а вдруг безумие заразно?

Впрочем, однажды ближе к вечеру я встретился с ним на стадионе, где после того, как вся команда разошлась, он тренировался, готовясь к самому последнему нашему соревнованию. Я оставался вроде как для того, чтобы отрабатывать метание копья, но на самом деле мне просто нравился пустой стадион. Я провел здесь много времени, и до меня вдруг начало доходить, что некоторые вещи иногда заканчиваются. Когда я приготовился бросить копье, в дальнем конце стадиона появился какой-то человек, и через некоторое время я узнал в нем Гэри Фишера.

Он бродил по стадиону без цели. Перед тем как прекратить тренировки, Фишер был нашим лучшим спринтером и, возможно, пришел сюда по той же причине, что и я. Вскоре он остановился в нескольких метрах от меня и некоторое время наблюдал. Наконец он заговорил:

– Как дела?

– Нормально, – ответил я. – Но победа мне не светит.

– Почему?

Я объяснил ему, что в другой школе объявился парень, который не только хорошо бросает копье, но ему еще и не все равно. Что после того, как я перестал одерживать легкие победы, мой интерес к этому виду спорта подувял. Не именно этими словами, но суть была такова.

– Ничего нельзя знать наверняка, – сказал он, пожав плечами. – Может быть, пятница станет твоим звездным днем. Соберись и победи.

И вдруг я понял, что мне *не* все равно. Возможно, я все-таки смогу победить – в последний раз. Фишер еще немного постоял, глядя на беговые дорожки, словно хотел услышать топот когда-то бежавших по ним ног.

– Она была чужой здесь, – неожиданно сказал я.

Казалось, он не услышал, но затем он медленно повернул голову.

– Ты о чем?

– О Донне, – ответил я. – На самом деле она никогда... не вписывалась, понимаешь? Как будто просто сняла здесь место на время.

Он нахмурился, и я продолжил:

– Это было, как... как будто она знала, что у нее, скорее всего, ничего не получится. Словно она пришла в мир и знала, что счастливый конец не для нее. Поэтому она поставила все фишки на один цвет. Но вместо черного выпал красный,

и она отошла от стола.

Я ничего не придумывал заранее, но был горд своей речью. В моих словах содержался глубокий смысл, или мне так казалось – когда тебе восемнадцать, это почти одно и то же.

Фишер мгновение смотрел в землю, а потом едва заметно кивнул:

– Спасибо.

Я кивнул в ответ, потому что все слова у меня закончились, и запрыгал на месте, готовясь к броску. Возможно, я решил покрасоваться, надеясь произвести впечатление на Гэри Фишера, того, каким он был полтора года назад. В итоге я слишком сильно отвел назад руку, на среднем пальце у меня открылся старый порез, и копые упало у моих ног.

Школа подошла к концу. Как и все, я был слишком занят выпускным и прочими гулянками, чтобы обращать внимание на тех, кого не слишком хорошо знал. Экзамены, дискотеки – все промчалось, и детство осталось в прошлом. И вот – бабах: ты в реальном мире, и у тебя такое ощущение, будто ты должен сдать супертрудный экзамен, к которому не готовился. Иногда оно появляется у меня и сейчас. Мне кажется, я ни разу не слышал тем летом имя Фишера, а затем я уехал из города в колледж. Пару лет я время от времени вспоминал о Гэри, но в конце концов он исчез из моей памяти, как и множество других вещей и событий, не имевших отношения к моей нынешней жизни.

И потому я оказался совершенно не готов к встрече два-

дцать лет спустя, когда он объявился на пороге моего дома и заговорил так, словно мы виделись только вчера.

Я сидел за своим письменным столом, пытался работать, но терпеливый наблюдатель выяснил бы, что я по большей части смотрел в окно, изредка бросая взгляды на монитор компьютера. В доме царил тишина, и, когда зазвонил телефон, от неожиданности я подскочил в кресле.

Я потянулся к трубке, немного удивившись, что Эми позвонила по городскому, а не на мобильный, но не более того. Разговор с женой был поводом прервать работу. А потом я смогу сварить кофе и выкурить на веранде сигарету. Так пройдет время. И наступит завтра.

– Привет, детка, – сказал я. – Какие новости с корпоративного фронта?

– Это Джек? Джек Уолен?

Мужской голос.

– Да, – ответил я, выпрямившись в кресле, весь внимание. – Кто это?

– Ты сидишь, дружище? Это Гэри Фишер.

Имя показалось мне знакомым, но у меня ушла целая секунда на то, чтобы преодолеть наслоения прошедших лет. Имена из прошлого – все равно что улицы, по которым ты давно не ездил. Не сразу вспоминаешь, куда они ведут.

– Ты меня слышишь?

– Да, – ответил я. – Просто я удивился. Гэри Фишер? Это

и правда ты?

– Так меня зовут, – сказал он и рассмеялся. – Неужели я бы стал врать.

– Нет, наверное, – сказал я и на миг задумался: нашего домашнего телефона не было в справочниках. – А как ты раздобыл мой номер?

– Знакомый из Лос-Анджелеса дал. Я пытался дозвониться до тебя вчера вечером.

– Точно, – сказал я, вспомнив сообщение на автоответчике о паре звонков с неизвестного мне номера. – Ты не оставил сообщение.

– Я подумал, что это немного необычно – позвонить через двадцать лет.

– Немного, – не стал спорить я.

Мне было трудно себе представить, о чем мы можем говорить с Гэри Фишером, если только он не решил устроить встречу класса, что представлялось мне исключительно маловероятным.

– Итак, чем я могу тебе помочь, Гэри?

– На самом деле, скорее это я могу тебе помочь, – ответил он. – Или мы оба – друг другу. Послушай, а где точно ты живешь? Я приехал в Сиэтл на пару дней и подумал, что было бы здорово встретиться, вспомнить старые добрые времена.

– Берч-Кроссинг. Полтора часа от моря. Если что, у моей жены есть машина, – добавил я.

Эми любит повторять, что, если кому-нибудь удастся за-

манить в комнату достаточное количество социопатов и заставить их проголосовать, они бы выбрали меня своим королем. Наверное, она права. С тех пор как вышла моя книга, со мной связалось несколько человек из моего прошлого, хотя и не из такого далекого, где обитал Фишер. Я не стал тратить силы и отвечать на их электронные письма, которые переслал мне мой издатель. Ну, положим, мы были знакомы. И что дальше?

– Мне нужно убить день, – настаивал Фишер. – Отменилось сразу несколько встреч.

– Не хочешь говорить об этом по телефону?

– Долго рассказывать. Но, честно говоря, ты окажешь мне огромную услугу, Джек. Схожу с ума в этом своем отеле, а если я еще раз отправлюсь на рынок Пайк-плейс, я куплю громадную дохлую рыбину, которая мне не нужна.

Я задумался. Нежелание что-то делать держало любопытство в узде, но его поддержала та часть моего существа, для которой, как ни странно, имя Гэри Фишера все еще сохранило притягательность.

– Ладно, почему бы нам не встретиться, – сказал я наконец.

Он приехал в начале третьего. А я за это время не сделал ничего путного. Даже когда я позвонил Эми, чтобы спросить, как она поживает, мне пришлось общаться с автоответчиком. Я пытался найти утешение на кухне, когда услышал

шум подъезжающей машины.

Я поднялся по полированным деревянным ступенькам, чтобы открыть входную дверь, и увидел черный «лексус» на том месте, где обычно стоит наш внедорожник – который сейчас находился в Сиэтле вместе с моей женой. Дверца машины открылась, из нее вылез тридцатилетний мужик, который зашагал к дому, и гравий громко захрустел у него под ногами.

– Джек Уолен, – сказал он, и дыхание облачком пара окутало его лицо. – А ты повзрослел. Надо же.

– Сам удивляюсь. Я делал все, чтобы этого не произошло.

Я сварил кофе, и мы пошли с чашками в гостиную. Гэри несколько минут рассматривал интерьер, потом внимательно изучал открывавшийся из больших окон с зеркальными стеклами вид на обсаженную деревьями аллею и наконец обратил свой взор на меня.

– Что ж... Все еще метаешь копые дальше всех? – спросил он.

– Понятия не имею, – ответил я. – Что-то в последнее время не представляется случая это проверить.

– Зря. Очень расслабляет. Я стараюсь швырять что-нибудь по крайней мере раз в неделю.

Он ухмыльнулся и на мгновение стал таким, каким я его помнил, только одет был получше. Он протянул руку над столиком, и я ее пожал.

– Хорошо выглядишь, Джек.

– Ты тоже.

И это было правдой. То, что мужчина в хорошей форме, всегда можно понять по тому, как он сидит. В позе сквозит уверенность, и ясно, что он сел не потому, что стоять ему труднее, – просто это одно из положений, в которых его тело себя прекрасно чувствует. Гэри выглядел ухоженным и, похоже, находился в отличной форме. Прекрасная стрижка, ни одного седого волоса, кожа того цвета, какого можно добиться здоровым питанием и отказом от курения, если вытерпишь такой стиль жизни. У него было лицо молодого сенатора с периферии, вроде тех, кто когда-нибудь может стать вице-президентом, и ясные голубые глаза. Единственная черта, которая невыгодно отличала его от меня, так это более заметные морщины вокруг глаз и рта, что невероятно меня удивило.

Он несколько мгновений молчал – вне всякого сомнения, тоже меня разглядывал. Встретив ровесника, видишь, как неотвратимо течет время.

– Я читал твою книгу, – сказал он, подтвердив мои подозрения.

– Значит, ты оказался среди меньшинства.

– Разве? То есть она не имела большого успеха? Странно.

– Да нет, продавалась книга вполне прилично, – признался я. – Даже лучше чем прилично. Проблема в том, что я не уверен, смогу ли написать следующую.

– Все почему-то думают, что человек должен делать од-

но и то же, – пожав плечами, проговорил он. – Чтобы ты, если можно так выразиться, поднял свой флаг на мачту, показал, кто ты такой. А может, тебе суждено создать только одну книгу...

– Может.

– Ты не хочешь вернуться в полицию? – Он прочел удивление на моем лице. – Ты благодаришь полицейское управление Лос-Анджелеса в начале книги, Джек.

Я невольно улыбнулся. Фишер по-прежнему умел произвести впечатление.

– Нет. С этим я покончил. А ты как зарабатываешь на жизнь?

– Корпоративное право. Я партнер в одной фирме на востоке страны.

То, что он стал адвокатом, меня не удивило и ничего мне не дало. Мы еще какое-то время обменивались стандартными репликами, вспоминали знакомые со школы места, бывших друзей, но костер прошлого не разгорался. Если вы поддерживаете связь в течение многих лет, яркий свет маяка помогает путешествовать по морю времени. В противном же случае испытываешь странное ощущение, встречая самозванца, присвоившего себе имя мальчишки из твоего детства. Хотя Фишер говорил о старых добрых временах, у нас с ним ничего такого не было, если не считать тренировок на одном стадионе или того факта, что мы оба смогли вспомнить меню в «Клевом Бобе». С тех пор в моей жизни про-

изошло много всего, в его – очевидно, тоже. Было ясно, что мы оба не считали своих одноклассников друзьями и не сохранили связей с родным городом. Дети, какими мы когда-то были, казались мифом, придуманным для того, чтобы объяснить, куда делись первые двадцать лет нашей жизни.

– Так о чем ты хотел со мной поговорить? – сказал я, допив остатки кофе.

– Надоело вести светскую беседу? – улыбнувшись, спросил он.

– Это никогда не было моей сильной стороной.

– Я помню. А с чего ты взял, что я хочу о чем-то поговорить?

– Ты сам сказал. Кроме того, пока ты не добыл мой новый номер телефона, ты, скорее всего, думал, что я живу в Лос-Анджелесе. А дорога оттуда до Сиэтла занимает вовсе не пару часов. Значит, я тебе зачем-то нужен.

Он кивнул, улыбаясь моей сообразительности, и спросил:

– А как ты вообще нашел это место? Берч-Кроссинг. Интересно, оно есть на картах?

– Его нашла Эми. Мы много говорили о том, чтобы переехать из Лос-Анджелеса. Точнее, я говорил. Она получила такую работу, что мы можем жить где угодно, если оттуда можно добраться до аэропорта. Эми нашла это место в Интернете или еще где-то и съездила посмотреть. Я поверил ей на слово.

– Тебе здесь нравится?

– Ясное дело, – ответил я.

– Совсем не похоже на Лос-Анджелес.

– Как раз в этом и смысл.

– Дети есть?

– Нет.

– У меня двое. Старшему пять, младшему два. Тебе стоит попробовать, дружище. Дети меняют жизнь.

– Да, так говорят. А где теперь живешь ты?

– В Эванстоне. Хотя работаю в центре Чикаго. Думаю, пора все рассказать.

Он несколько мгновений смотрел на свои руки, а затем перешел к делу.

Глава 2

– Мне известно следующее, – начал он. – Три недели назад в Сиэтле были убиты двое людей. Женщина и ее сын, в их собственном доме. Полицию вызвали после того, как сосед почувствовал запах дыма и, выглянув наружу, увидел в доме огонь. Когда полицейские вошли внутрь, они нашли в гостиной Джину Андерсон, тридцати семи лет. Кто-то выбил ей челюсть и сломал шею. В другом конце комнаты лежал Джошуа Андерсон. Ему выстрелили в голову, а затем тело подожгли. Однако пожарные утверждают, что дом загорелся не из-за этого: когда они прибыли, огонь только добирался до дверей комнаты. Пожар начался в подвале, где Билл Андерсон, муж убитой, устроил себе мастерскую. Судя по тому, как там все выглядело, кто-то ее разгромил, вытащил из шкафов все бумаги и поджег их. Не знаю, насколько хорошо ты знаком с Сиэтлом, но дом Андерсонов находится в районе Бродвея, севернее центра города. Дома стоят очень близко друг к другу – двухэтажные бунгало, в основном деревянные. Если бы начался настоящий пожар, он бы тут же переметнулся на соседние дома и стер с лица земли целый квартал.

– А где муж? – спросил я.

– Никто не знает. В начале вечера он встретился с двумя друзьями. Они относительно регулярно, примерно раз в

шесть недель, собираются вместе, чтобы провести вечер. Он преподает в местном колледже, который находится примерно в километре от его дома. Его приятели сказали, что Андерсон был с ними до четверти одиннадцатого. Выйдя из бара, они разошлись каждый в свою сторону. С тех пор Андерсона не видели.

– Что удалось выяснить полиции?

– Никто не видел, чтобы вечером кто-то заходил или выходил из дома. Главный подозреваемый – Андерсон, и они не рассматривают никаких других версий. Они лишь пытаются понять, почему он это сделал. Его коллеги, знакомые говорят, что в последние недели – может, месяц, может, больше – он казался встревоженным. Но никто ничего не может сказать касательно того, какие у него могли быть неприятности, никто не слышал никаких разговоров о другой женщине или о чем-то в таком духе. Преподаватели зарабатывают не слишком много, а Джина Андерсон не работала, но никаких свидетельств серьезных финансовых проблем тоже нет. На жену оформлена страховка, но она не стоит даже того, чтобы встать с дивана, не говоря уже об убийстве.

– Это сделал муж, – произнес я полицейское заклинание. – Всегда убийцей оказывается муж. Кроме тех случаев, когда это жена.

Фишер покачал головой:

– Я так не думаю. По словам соседей, у Андерсонов были прекрасные отношения. Их сын любил громкую музыку, но в

остальном все было хорошо. Никаких ссор, никакого накала.

– Плохие семьи похожи на мозг алкоголика. Нужно оказаться внутри, чтобы понять, что там происходит.

– И что, по-твоему, произошло?

– Сценариев может быть несколько. Возможно, тем вечером Билл собрался поколотить жену по неизвестному, а может, даже недоступному для нашего понимания поводу. Сын слышит шум, спускается вниз и кричит отцу, чтобы он остановился. Но тот не обращает на него внимания. Сын видит подобные сцены всю свою жизнь и решает, что с него наконец хватит. Он идет к шкафу и берет отцовский пистолет. Возвращается и говорит, что он не шутит, что папаша должен прекратить бить его мать. Они начинают драться, папаша хватается за пистолет, или он выстреливает случайно, могло быть все, что угодно. Пуля попадает в сына. Жена начинает дико кричать, сын лежит на полу, и Андерсон понимает, что вот это ему уже с рук не сойдет. Он нарочно поджигает ту часть дома, где находится его маленькое царство, чтобы все выглядело так, будто в дом забрался кто-то чужой. В общем, уничтожает все улики против себя. Сейчас он наверняка в другом конце страны, хлещет стопку за стопкой, страдая от мук раскаяния, или убеждает себя, что они сами во всем виноваты. Либо через неделю он убьет себя, либо через полтора года его поймают в Северной Каролине, где он будет жить-поживать с какой-нибудь официанткой.

Фишер некоторое время молчал.

– Возможно, это разумная версия, – сказал он наконец. – Но я в нее не верю. По трем причинам. Во-первых, Андерсон – типичный экземпляр книжного червя да еще весит чуть более пятидесяти килограммов. Он не похож на человека, который может доминировать над двумя другими людьми.

– Вес тут ни при чем, – сказал я. – Доминируют с помощью мозгов, а не мускулов. Всегда.

– Чего тоже нельзя сказать про Андерсона, но пока оставим это. Вторая причина состоит в том, что свидетельница видела, как кто-то похожий на Андерсона появился на улице примерно в двадцать минут одиннадцатого. Но никто не обращает на нее внимания, потому что она старая, не совсем в своем уме и под завязку накачана солями лития³. Однако она твердит, что видела, как он прошел по дороге ровно настолько, чтобы увидеть свой дом, затем развернулся и побегал.

– Такого свидетеля в суд не вызовешь, – сказал я. – И даже если она действительно его видела, Андерсон мог пытаться это изобразить для нее, чтобы обеспечить себе алиби. Что еще у тебя имеется?

– Вот что. Джошуа Андерсон умер от ожогов, но он уже покидал наш мир из-за огнестрельного ранения в лицо. Однако на месте преступления пулю не нашли. В отчете патологоанатома высказано предположение, что она попала в череп, но так и не вышла наружу. Выходного отверстия нет.

³ Соли лития входят в лекарства для лечения психических отклонений.

Зато имеются указания на более позднюю рану, нанесенную острым предметом. Получается, что тот, кто его убил, затем при помощи ножа достал пулю, когда одежда мальчика уже занялась пламенем. Мне не кажется, что преподаватель физики на такое способен. – Он откинулся на спинку стула. – И для начала – у него не было пистолета.

– Да, три нестыковки, – пожал плечами, сказал я. – Без них не бывает. Но я бы поставил на мужа. А каков твой интерес?

– Убийство имеет отношение к одному делу, которым занимается наша фирма, – ответил он. – Пока больше я не могу тебе сказать.

Я понял, что Фишер что-то скрывает, но детали его профессиональной жизни меня не касались.

– А почему ты рассказал все это мне?

– Мне нужна твоя помощь.

– В чем?

– Разве непонятно?

– Не очень понятно, – покачав головой, признался я.

– Мне, точнее, фирме нужно узнать, что произошло на самом деле.

– Но ведь полиция уже занимается этим делом.

– Копы изо всех сил пытаются доказать, что Андерсон убил свою жену и сына, но я думаю, тут что-то другое.

Я улыбнулся:

– Я уже понял, что ты так думаешь. Но это вовсе не значит, что ты прав. И я по-прежнему не понимаю, почему ты

приехал ко мне.

– Ты коп.

– Бывший.

– Это то же самое. У тебя есть опыт в проведении расследований.

– Для разнообразия, ты получил неверные сведения, Гэри. Я все время прослужил в патрульном отделе. Уличный пехотинец.

– Речь не об официальном стаже. Я знаю, что ты так и не стал детективом. А еще мне известно, что ты и не пытался.

Я наградил его суровым взглядом:

– Гэри, если ты хочешь сказать, что каким-то образом получил доступ к моему личному делу, тогда...

– Не было необходимости, Джек. Ты умный парень. Если бы ты хотел стать детективом, ты бы им стал. Однако этого не произошло, а посему я пришел к выводу, что ты и не пытался.

– Я не слишком чувствителен к лести, – заявил я.

– Это мне тоже известно, – улыбнувшись, сказал он. – А еще я помню, что ты предпочитал не пытаться вовсе, чем попытаться и потерпеть поражение, и, возможно, это главная причина, по которой ты почти десять лет прослужил на улицах.

Прошло довольно много времени с тех пор, как кто-то со мной так разговаривал, и он понял это по выражению моего лица.

– Слушай, – проговорил он, подняв вверх руки. – Какой-то неправильный разговор у нас получается. Извини. То, что случилось с Андерсонами, на самом деле не слишком меня занимает. Но дело довольно странное, и моя жизнь стала бы немного легче, если бы удалось его распутать. Я читал твою книгу. Мне показалось, что оно может тебя заинтересовать.

– Я признателен тебе за то, что ты вспомнил обо мне, – сказал я. – Но та жизнь осталась в прошлом. Кроме того, я работал в Лос-Анджелесе, а не в Сиэтле. Я не знаю города и его жителей. Я могу сделать чуть больше, чем ты, и намного меньше, чем копы. Если ты правда считаешь, что они неправильно расследуют дело, тебе следует поговорить с ними, а не со мной.

– Я пытался, – сказал он. – Они думают то же, что и ты.

– Возможно, именно так все и было. Простая история, печальный конец.

Фишер медленно кивнул, глядя в окно. Смеркалось, и небо приобрело свинцовый оттенок.

– Похоже, погода портится. Но мне, пожалуй, пора – не хочу ехать через горы в темноте.

– Извини, – сказал я, вставая. – Прodelав такую дорогу, ты, наверное, рассчитывал на большее.

– Я хотел услышать независимое мнение, и я его услышал. Жаль, что оно оказалось не таким, на какое я надеялся.

– Все то же самое можно было сказать и по телефону, –

улыбнувшись, заметил я. – Как я и говорил.

– Да, я знаю. Но... я был рад тебя повидать, да еще через столько лет. Поболтать о прошлом. Давай не будем больше терять связь.

Я ответил, что да, было приятно встретиться и да, нам следует поддерживать связь, и на этом все закончилось. Мы еще немного поговорили о пустяках, а затем я проводил его до двери и некоторое время смотрел вслед его машине.

После того как она скрылась из вида, я еще немного постоял на улице, хотя и похолодало. У меня было ощущение, словно ко мне на спортплощадке подошел большой мальчик и спросил, не хочу ли я с ними поиграть, а я отказался – из гордости. Похоже, годы не делают нас взрослее.

Я вернулся в дом и вновь уселся за письменный стол. И потратил, возможно, последний нормальный вечер в своей жизни на изучение вида из окна, просто дожидаясь, когда пройдет время.

Иногда я спрашиваю себя, что было бы, если бы я в то утро трудился изо всех сил и Фишеру пришлось бы разговаривать с автоответчиком. Скорее всего, я бы не стал ему перезванивать. Впрочем, не думаю, что это имело бы какое-то значение. Мне кажется, перемены все равно маячили на горизонте и их было не избежать. Я бы с радостью сказал, что ничто их не предвещало, что они свалились на меня неожиданно, но это будет неправдой. Знаки были повсюду. Временами в последние девять месяцев (или гораздо раньше?) я

замечал небольшие изменения. Но я старался не обращать на них внимания, продолжать жить, как жил, а посему, когда это случилось, я почувствовал себя так, словно свалился с надежного плота, много лет плывущего по реке, и вдруг обнаружил, что никакой воды подо мной никогда не было, а лежу я навзничь на пыльном поле, где нет ни одного деревца, нет гор, нет вообще ничего, и мне не понять, как я сюда попал оттуда, где находился прежде.

Мое падение, похоже, началось не сразу, оно набирало скорость благодаря мелким подвижкам, еле заметным изменениям. Это началось, по крайней мере, с того часа, как я стоял вечером на веранде своего нового дома, а может быть, за месяцы или годы до того. Но пытаться распутать бесконечный клубок причинно-следственных связей – это все равно что сказать, будто важен не момент, когда на тебя налетела машина, или доля секунды, когда ты, не глядя по сторонам, сошел с тротуара на дорогу, а что твои проблемы начались тогда, когда ты в первый раз легкомысленно отнесся к своей безопасности. Однако в памяти остается мгновение удара. Скрежет и грохот, секунда, когда машина тебя сбивает с ног и будущее перестает для тебя существовать.

Короткое мгновение, когда тебе вдруг становится ясно, что в твоём мире произошли страшные перемены.

Глава 3

Пляж на берегу Тихого океана, полоса песка кажется бесконечной. Почти белая днем, сейчас, в гаснущем свете, она матово-серая. Одинокие следы смыла вода – природа совершила один из множества своих терпеливых актов разрушения. Летом дети проводят здесь выходные, излучая сияние беззаботной юности и слушая оглушительную музыку по своим детским приемникам. Сезонный отстрел детей, увы, не производится, и они продолжают жить своей счастливой, только начавшейся жизнью, производя слишком много шума по всей планете. В четверг, да еще поздней осенью, пляж представляет собой пустынное зрелище, если не считать деловито снующих куликов, которые носятся над водой, а их лапки мелькают, точно ноги занятных механических игрушек. Сейчас они закончили дневные дела и улетели в свои постели, а на пляже воцарились тишина и покой.

Примерно в километре от берега расположился симпатичный городок Кэннон-Бич. В нем есть несколько неприметных отелей, но по большей части здесь стоят скромные летние домики не выше двух этажей, каждый на приличном расстоянии от своих соседей. Некоторые похожи на приземистые белые прямоугольники, которые давно пора оштукатурить заново, другие представляют собой более смелые восьмиугольные конструкции из дерева. И ото всех через дюны

к песчаному пляжу тянутся потрепанные временем мостки.

Сейчас ноябрь, и почти во всех домах не зажжен свет, запах лосьона для загара и свечей заперт внутри, дожидаясь будущих отпусков и каникул, когда появятся родители, с мрачным видом разглядывающие новые серебряные пряжи в незнакомых зеркалах, и дети, ставшие выше и немного дальше от взрослых, которые когда-то были центром их вселенной.

Целых два дня не было дождей – что довольно редко для Орегона в это время года, – но сегодня вечером над морем, точно капля чернил, расплывающаяся в воде, собираются мрачные тучи. Им потребуется час или два, чтобы добраться до суши, и там они окрасят тени в густой черно-синий цвет и наполнят воздух равнодушным дождем.

А пока на песке, у самой линии прибоя, сидит девочка.

Ее часы показывали без двадцати пяти шесть, и это ее обрадовало. Когда будет без пятнадцати, ей придется вернуться домой – ну не совсем домой, а в коттедж. Папа всегда называет его пляжным домиком, а мама – коттеджем, но папы сейчас с ними нет, значит это коттедж. Отсутствие папы несло с собой и другие изменения, над одним из которых Мэдисон как раз и размышляла.

Когда они приезжали, чтобы провести на берегу неделю, все дни были похожи друг на друга. Они отправлялись в Кэннон-Бич, заходили в одну из галерей (один раз), покупа-

ли продукты в магазине (два раза) и проверяли, не появилось ли что-нибудь здоровское в игрушечном магазине Джеплетто (столько раз, сколько Мэдисон удавалось уговорить маму; рекорд – три раза). Почти все остальное время они проводили на берегу. Рано вставали, гуляли по пляжу, а затем возвращались. Целый день сидели, плавали и играли – с перерывом в полдень, чтобы поесть бутербродов и немного остыть, – а затем, около пяти, снова длинная прогулка, в обратную сторону.

Утренняя прогулка – чтобы проснуться и наполнить сонные головы светом. Дневная же посвящалась ракушкам и плоским морским ежам. И хотя они увлекали скорее маму (она хранила дома, в коробке из-под сигарет, все, что им удавалось найти), их искали втроем – семья, у которой есть одна, общая цель. После прогулки – душ, потом кукурузные чипсы с фасолевым соусом и запотевшие стаканы с тропическим «кулэйдом»⁴, а затем они ехали обедать в «Тихоокеанские ковбойши» в Кэннон-Бич, где на стенах висят рыболовные сети, подают креветки с хлебом и соусом, а официанты называют тебя «мэм», даже если ты еще маленькая.

Когда Мэдисон и ее мама приехали сюда вчера, все было не так. Во-первых, другое время года и к тому же холодно. Они молча разобрали вещи и, следуя привычке, немного погуляли по берегу, но хотя мама вроде как смотрела на

⁴ «Кулэйд» – бренд растворимого порошка для приготовления прохладительных напитков; выпускается в нескольких вариантах.

линию прилива, она ни разу не наклонилась даже за кусочком кварца, одна сторона которого горела розовым светом, а раньше она непременно бросилась бы его поднимать. Когда они вернулись, Мэдди нашла в шкафу оставшийся с прошлого раза «кулэйд», но мама забыла купить еды. Мэдисон начала возмущаться и тут увидела, как медленно двигается ее мама. Тогда она замолчала. «Ковбойши» закрылись на зимний ремонт, поэтому они поехали в другое место и сидели в большом пустом зале у окна, выходящего на темное, затянутое плоскими тучами море. Она ела спагетти, что ее вполне устраивало, но на берегу моря полагалось есть совсем другую еду.

На следующий день сильно похолодало, и они почти совсем не гуляли. Мама, завернувшись в одеяло и надев темные очки, все утро просидела с книгой в руках в том месте, где начинаются мостки, ведущие к дюнам. Потом она вошла в дом, сказав Мэдисон, что та может остаться на улице, если хочет, но не должна отходить от коттеджа больше чем на полсотни метров.

Некоторое время Мэдисон радовалась, что пляж принадлежит только ей. В море она не заходила. Хотя раньше ей это нравилось, в последние пару лет она начала опасаться большого количества воды, даже когда не было так холодно. Она с удовольствием построила и украсила замок. Потом вырыла ужасно глубокую яму.

Но к пяти часам у нее начался зуд в ногах. Она встала, по-

том села. Еще немного поиграла, хотя игра ей уже порядком надоела. Плохо, что они пропустили утреннюю прогулку, но то, что они не идут гулять сейчас, по-настоящему странно. Гулять очень важно. Наверное. Потому что зачем иначе они стали бы это постоянно делать?

В конце концов Мэдисон немного прошлась по берегу и несколько мгновений постояла, не зная, что делать дальше. Пляж оставался пустым, серое небо низко нависло над морем, воздух становился все холоднее. Она продолжала стоять, когда налетел первый сильный порыв ветра, предвестник бури, принялся трепать ее одежду, и брюки облепили ноги. Она ждала, глядя в ту сторону, где дюны скрывали коттедж.

Ее мама не появилась.

Мэдисон размеренно прошла сорок метров направо, отсчитывая расстояние большими шагами. У нее возникло странное ощущение, и она тут же повернула назад и дошагала до того места, откуда начала свой путь, а потом прошла еще сорок метров. Это можно было считать прогулкой, когда просто идешь без цели, и в ушах у тебя раздается плеск воды, и ты видишь, как мелькают внизу ступни твоих ног, и твои глаза то и дело выхватывают мимолетные узоры, возникающие между набегаящими на берег волнами и жестким мокрым песком.

И она снова проделала тот же путь. Потом еще раз. И продолжала до тех пор, пока две точки поворота не преврати-

лись в пару следов неведомого животного. Она пыталась заставить волны шуметь так, как они шумели всегда. Пыталась не думать о том, где они будут сегодня ужинать и как будут молчать почти все время. Пыталась не...

И вдруг она замерла на месте и медленно наклонилась, протягивая вперед руку. Мэдисон вытащила какой-то предмет из коллажа, составленного из спутанных водорослей, кусочков дерева, раздавленных домиков морских жителей. Она поднесла находку к глазам, не веря в свою удачу.

Мэдисон нашла почти целенького морского ежа.

Да, конечно, он был маленьким, не больше монетки в четверть доллара, с несколькими вмятинами по краям, кроме того, более серым, чем большинство тех, что они находили раньше, да еще запачканным чем-то зеленым с одной стороны. Но это не считается. Точнее, считалось бы, если бы все было как прежде. А так не было.

Мгновение, которое должно было принести ликование, стало тягостным и печальным. Она поняла, что будь ее находка величиной с тарелку и совершенно безупречной, как сувенир с прилавка, – это все равно не имело бы никакого значения.

Мэдисон опустилась на песок и взглянула на плоскую раковину у себя в руке. Затем мягко сжала находку в ладони и стала смотреть на море.

Прошло десять минут, а она продолжала сидеть на том же

месте, когда услышала какой-то звук, словно большая птица летела к ней вдоль линии прибоя, размахивая громадными черными крыльями. Мэдисон повернула голову.

На берегу стоял мужчина.

Метрах в тридцати от нее. Он был высоким, и у него за спиной развевались полы черного пальто – они-то и издавали эти звуки, – на которое злобно набрасывался холодный ветер, словно слетевший с грозового, похожего на черно-пурпурное разбушевавшееся море неба. Мужчина стоял неподвижно, засунув руки глубоко в карманы. Тусклый свет, пробивавшийся сквозь тучи, падал на него со спины, и она не видела его лица. Однако Мэдисон сразу поняла, что он смотрит на нее. Иначе зачем бы ему здесь стоять, точно пугало, сотканное из теней, да еще в одежде, которая скорее подходит для церкви или кладбища, а вовсе не для прогулок по пляжу?

Она бросила мимолетный взгляд через плечо, пытаясь определить, как далеко до мостков, ведущих к коттеджу. Они находились не прямо рядом, но достаточно близко. Она сумеет быстро добраться до дома. Может быть, так и следует сделать, тем более что большая стрелка уже остановилась на без четверти.

Но вместо этого она отвернулась от мостков и снова посмотрела на темный, беспокойный океан. Неправильное решение, частично вызванное тем, что никто не похлопал ее по плечу, когда она нашла то, что теперь держала в руке, но

она его приняла, и в конце концов винить было некого.

Мужчина подождал немного, а потом направился к ней. Он шел по прямой и, казалось, не обращал внимания на воду, которая с шипением накатывала на его ботинки и снова отступала. Под его ногами хрустели ракушки. Он ими явно не увлекался, и их судьба его не волновала.

Внезапно Мэдисон поняла, что ведет себя глупо. Ей следовало сразу же, когда у нее было значительное преимущество, сорваться с места и побежать. Просто встать и пойти домой. Теперь она уже могла рассчитывать только на элемент неожиданности, на то, что мужчина подумал: если она не побежала раньше, значит не побежит вовсе. Мэдисон решила подождать, когда он подойдет поближе, а затем сорваться с места и с громкими криками броситься бежать со всех ног. Мама наверняка оставила дверь открытой. Наверное, она даже идет сюда, чтобы выяснить, почему Мэдди еще не вернулась. Обязательно идет, ведь Мэдди опоздала по всем возможным меркам. Но в глубине души Мэдисон знала, что ее мама сидит в кресле, опустив плечи, и смотрит на свои руки, как смотрела вчера вечером, когда они вернулись из ресторана.

И потому она лишь встала на изготовку, убедившись в том, что ступни надежно стоят на песке, ноги напряжены, как пружины, готовые в любую секунду сорваться с места.

Мужчина остановился.

Мэдисон намеревалась смотреть на волны до последней секунды, словно она не видит мужчину, но вместо этого вдруг поняла, что немного повернула голову, чтобы проверить, что происходит.

Мужчина остановился раньше, чем она ожидала, метрах в двадцати от нее. Теперь она уже смогла разглядеть его лицо, поняла, что он намного старше ее папы, может, даже старше дяди Брайана, которому пятьдесят. Дядя Брайан всегда улыбался, как будто пытался вспомнить шутку, услышанную на работе, и не сомневался, что она всем понравится.

– У меня для тебя кое-что есть, – сказал мужчина, его голос, сухой и тихий, прозвучал ясно и четко.

Мэдисон поспешно отвернулась, чувствуя, как отчаянно забилось в груди сердце. Она, безотчетно стараясь не повредить свою находку, которую держала в левой руке, уперлась в песок правой, готовая с силой от него оттолкнуться.

– Но сначала я хочу кое-что узнать, – проговорил незнакомец.

Мэдисон понимала, что должна броситься бежать, причем как можно быстрее. Дядя Брайан был толстым и совсем не мог бегать. Незнакомец и в этом от него отличался. Она сделала глубокий вдох и решила, что сорвется с места на счет три. Один...

– Посмотри на меня, девочка.

Два...

А в следующее мгновение мужчина оказался между Мэ-

дисон и дюнами. Он двигался так быстро, что она даже не заметила, как это произошло.

– Тебе понравится, – сказал он как ни в чем не бывало. – Я обещаю. Ты этого хочешь. Но сначала ты должна ответить на мой вопрос. Договорились?

Его голос стал мягче, и Мэдисон с грустью подумала, что совершила глупость, теперь она поняла, почему мамы и папы требуют, чтобы дети возвращались домой в определенное время, не уходили слишком далеко, не разговаривали с незнакомыми людьми и много чего другого. Оказалось, что родители вовсе не злые, вредные и скучные. Они старались предотвратить то, что должно было случиться с ней сейчас.

Она посмотрела мужчине в лицо и кивнула. Она не знала, что еще можно сделать, и надеялась, что это поможет. Мужчина улыбнулся. На одной щеке у него было несколько мелких темных родинок. А зубы оказались неровными и желтыми.

– Хорошо, – сказал он и сделал еще один шаг в ее сторону. Он вынул руки из карманов, и Мэдисон увидела, что у него длинные бледные пальцы.

В голове у нее прозвучало слово «три», но так тихо, что она ему не поверила. Ее ноги и руки больше не напоминали жесткие, напряженные пружины, они стали будто из ваты.

Мужчина был уже слишком близко. От него пахло сыростью, а глаза горели странным светом, словно он нашел то, что долго искал.

Он присел на корточки рядом с ней, и запах неожиданно стал сильнее, ей ударила в нос какая-то земляная вонь, и Мэдисон подумала, что так пахнут части тела, которые обычно принято скрывать под одеждой.

– Ты умеешь хранить секреты? – спросил он.

Глава 4

Я вернулся домой где-то в четверть десятого вечера. Если не считать того, что я купил молоко и кофе, мое путешествие было исключительно бесполезным: Эми следила за тем, чтобы в наших шкафах имелось все необходимое. Прогулка получилась приятной, и я бы все равно пошел пешком, даже если бы машина была здесь. Я сидел перед кофейней, пил маленькими глотками кофе и листал газету, из которой узнал кое-какие новости: несколько дней назад пересеклись траектории двух машин, но никто не пострадал, совсем; какую-то шишку местного значения в двенадцатый раз выбрали в школьный комитет, что уже само по себе вызывало сомнения в его здравом уме; галерея «Каскад» искала «взрослого человека для организации продажи картин и скульптур, изображающих орлов, медведей и индейских воинов». Опыт не требовался, но кандидаты должны были быть готовы следовать за мечтой. Работа не для меня, даже если мое сочинительство застопорится. Я надеялся, что галерее все-таки удастся найти подходящего человека и что счастливый победитель конкурса будет достаточно взрослым. Мне совсем не нравилась мысль о том, что репродукции ограниченного тиража и предметы искусства станут продавать подростки.

Я дольше, чем было необходимо, побродил среди полок в магазине «У Сэма», брал что-нибудь, потом ставил на ме-

сто. Обнаружил пару высококлассных товаров, которые стоило ожидать в более дорогом магазине, в основном пиво, а у кассы добавил к своим покупкам роман Стивена Кинга в мягкой обложке. Я его уже читал, но большинство моих книг осталось на складе в Лос-Анджелесе, а эта лежала прямо передо мной на расшатанной стойке, заполненной потрепанными творениями Дэна Брауна и облаченными в блестящие обложки любовными романами, в авторах которых, как правило, значится какое-нибудь женское трио.

Вернувшись на стоянку, я убрал мешок с покупками в рюкзак и некоторое время постоял в задумчивости. В царившей вокруг тишине мерно звучал двигатель пикапа. Я видел его владельца в магазине, местного парня с грубыми чертами лица и мхом в ушах, который проигнорировал меня, поскольку именно такого отношения заслуживают все приезжие. Я нарочно поздоровался с ним лишь затем, чтобы его позлить. Из «Ребра Лаверны» на противоположной стороне улицы появилась пара, они с трудом переставляли ноги, точно неожиданно оказались в шторм на палубе корабля. «Лаверна» славилась своими огромными порциями. И похоже, пара знала об этом не понаслышке. Усталая женщина катила мимо магазина детскую коляску с видом человека, который вынужден заниматься делом, не доставляющим ему ни капли удовольствия, а ее ребенок сражался с вечерним покоем всеми возможными способами, главным образом звуковыми эффектами. Женщина увидела, что я на нее смотрю, и про-

говорила так, будто это все объясняет:

– Десять месяцев.

Я, смутившись, отвернулся.

На дороге мигнули огни проезжающей машины.

Я все еще не хотел есть. Не хотел идти пить пиво в бар. Я мог пройти по улице и посмотреть, открыт ли еще книжный магазинчик. Скорее всего, нет, а у меня уже был роман, что, как правило, помогало провести ночь. Экспедиция подошла к концу, и мой корабль налетел на рифы покупки, сделанной под настроение.

Итак, что теперь? Решай, в какое приключение ты пустишься дальше.

В конце концов я пошел назад тем же путем, мимо длинной вереницы магазинов, из которых состоял Берч-Кроссинг. По большей части здания здесь были одноэтажные, с деревянным фасадом – кабинет дантиста, парикмахерская, аптека чередовались с заведениями, имевшими и во все непрезентабельную наружность. Среди них была и галерея «Каскад», где Эми уже купила две патологически старательные картины, пропитанные идеей Запада. Тут и там возникали флегматичные кирпичные строения, возведенные во времена, когда отцы города в дорогих сюртуках верили в то, что ему суждено стать совсем не тем, чем он стал. В одном из таких строений находилась «Лаверна», в другом банк, уже не принадлежащий городу, а в третьем вам предлагали купить мебель под старину. Эми и здесь кое-что приобрела, напри-

мер экземпляра, служивший мне теперь письменным столом. Улица заканчивалась маленькой заправкой, ее построили в виде горного шале, но в конце концов она превратилась в офис шерифа, стоящий в стороне от шоссе. Я отчаянно сражался с желанием посмотреть на него, когда проходил мимо, и мне стало интересно, сколько же пройдет времени, прежде чем какая-нибудь часть моего существа поймет наконец, зачем этот офис нужен.

Я пересек двухполосное шоссе, прежде чем свернуть на последний в городе поворот налево. Дорога вела в лес, на оградах тут и там висели надежные традиционные почтовые ящики, а ворота вели к домам, расположенным в конце длинных подъездных дорожек. Я дошел до ящика с надписью «ДЖЕК И ЭМИ УОЛЕН». Но вместо того, чтобы открыть ворота, решил перелезть через них, как сделал, когда выходил. Однако я не учел увеличившийся вес моего рюкзака и чудом не пропахал лицом землю. Недавно я снова стал заниматься физическими упражнениями, устраивая пробежки по Национальному лесу, территория которого начиналась сразу за нашими воротами. Сейчас, когда мышцы болели уже не так сильно, я чувствовал себя значительно лучше, но мое тело отказывалось забыть, что прошел целый год с тех пор, как я был в хорошей физической форме.

И хотя меня никто не мог увидеть, я почувствовал себя полным дураком и обругал ворота за то, что они подстроили мне такую гадость. Мой отец любил повторять, что неоду-

шевленные предметы ненавидят людей и замышляют у них за спиной всякие мерзости. Наверное, он был прав.

Я прошел по проложенной автомобильными шинами колее к месту, которое, как утверждал договор об аренде, далее следует называть моим домом. Снова похолодало, и я подумал, что, возможно, сегодня ночью наконец пойдет снег. А еще, уже в который раз, спросил себя, как мы будем входить и выходить из дома, когда это произойдет. Говорят, что неизбежны лишь смерть и налоги. Местные жители придерживались такого же мнения о снеге и относились к нему без восторженного романтизма. Агент по продаже недвижимости вскользь заметил, что в зимние месяцы удобно пользоваться снегоходом. У нас не было снегохода, и мы не собирались его покупать. Вместо этого я делал запасы сигарет, чили в банках и квашеной капусты. Не знаю почему, но мне страшно нравится квашеная капуста.

Колея нырнула вниз, а затем снова начала подниматься на гряде. Примерно в километре от дороги она расширялась, превращаясь в место для парковки. Отсюда дом казался не слишком респектабельным – одноэтажный, обшитый старыми кедровыми досками, летом большей частью скрытый деревьями. Именно так он выглядел на фотографии, которую я видел в Интернете, милый и очень деревенский. Но зимой и в реальной жизни дом был больше похож на противоядерный бункер, а голые ветки деревьев – на обхватившие его лапы дохлых пауков. Только внутри вы начинали понимать,

что оказались на высоте двух с половиной этажей. Большую часть северной стены, там, где скала резко обрывалась вниз, занимало окно в два человеческих роста. Днем отсюда открывался вид на заросшую лесом долину, уходившую к горе Уэнатчи и дальше, к Каскадным горам и Канаде. Побывавший у меня Гэри Фишер тоже понял, что от этих картин невозможно оторвать взгляд. С веранды виднелся пруд в сто пятьдесят метров в поперечнике, который находился внутри границ нашей собственности, раскинувшейся на полтора гектара. Ближе к вечеру над долиной парили хищные птицы, издав далеко похожие на падающие листья.

Я разложил покупки в отведенные для них места на кухне. На дальнем конце стола стоял телефон с автоответчиком и подмигивал мне своим глазом.

– Давно пора, – произнес я первые слова, которые услышал дом с тех пор, как ушел Фишер.

Впрочем, ничего полезного мне узнать не удалось. Звонили два раза, но никто не оставил никаких сообщений. Я пожелал нарушителям моего спокойствия отправляться ко всем чертям, а заодно отругал себя за то, что не активировал функцию определения номера. Она в нашем телефоне есть, но инструкцию к нему, судя по всему, переводила с японского какая-то полоумная болонка. Чтобы просто изменить запись на автоответчике, пришлось бы обратиться за помощью в НАСА. Я понимал, что звонила не Эми, которая знала, как я ненавижу, когда не оставляют сообщений, поэтому

она хотя бы сказала скрипучим голосом: «Никаких сообщений, господин».

Я достал мобильный и нажал кнопку быстрого набора ее номера, придерживая трубку плечом и одновременно доставая из холодильника пиво. После пяти гудков снова включился автоответчик. Ее деловой голос ласково поблагодарил меня за то, что я позвонил, и пообещал со мной связаться. Я оставил ей сообщение, сказав, чтобы она сделала это непременно. В очередной раз.

– Причем как можно быстрее, – пробормотал я, уже убирая телефон в карман.

Я пошел с пивом в кабинет. Эми зарабатывала больше, так что у нее был более роскошный кабинет внизу. В моем же имелся картотечный шкаф со справочными материалами, жутко дорогой старый стол и дешевый и невероятно старый стул, обнаруженный мной в гараже. На столе стоял только мой ноутбук. Совсем не пыльный, потому что я старательно протираю его рукавом каждое утро. Мне приходило в голову забить его за ненадобностью досками, но вот незадача – в доме нет гвоздей. Я приглушил свет и сел. Когда я раскрыл ноутбук, он ожил. Опыт, похоже, его ничему не научил. Он предложил мне программу для обработки текста, в котором совсем немного слов прошло эту обработку, частично из-за того, что панорамный вид на дугласовые пихты и ковер из желтых цветов, открывавшийся из окна, завораживал меня, и я мог смотреть на него часами. Я знал, что, когда пойдет

снег, вполне смогу и вовсе не открывать компьютер. Правда, отвлекаться по ночам гораздо труднее, потому что, если не считать нескольких веток, на которые попадает свет из моего окна, больше ничего не видно. Так что, может, сейчас моя голова и мои пальцы наконец проснутся и примутся за общую работу. Может, я сумею придумать, что сказать, и мне удастся потратить на это некоторое время.

Может быть, я сумею забыть о том, что прошел всего месяц, а меня уже от всего этого тошнит – так мне скучно.

Я сидел за своим столом, потому что два года назад я написал книгу про некоторые места Лос-Анджелеса. Я говорю «написал», хотя по большей части она состояла из фотографий, но и это слишком громко сказано. Я делал снимки с мобильного. Однажды я оказался в каком-то месте с телефоном в руке и заснял то, что увидел. Скинув все снимки на компьютер, я отметил, что вышло очень даже неплохо. Техническое качество было таким низким, что картинка являла собой остановленное мгновение, смазанное и эфемерное. Это стало привычкой, и когда у меня набралось достаточно фотографий, я объединил их в один документ, снабдив каждую своим комментарием.

Постепенно подписи становились все длиннее, и вскоре каждый снимок сопровождался страницей или двумя текста, иногда даже больше. Как-то раз вечером Эми вошла, когда я этим занимался, и попросила почитать. Я не возражал, по-

сколькx нисколькx не волновался, зная, что она не станет надо мной смеяться, и, если честно, меня мало интересовало, что она скажет. Прошла пара дней, и она вручила мне имя и телефон человека из издательства, которое выпускает иллюстрированные книги. Я долго отшучивался, но она убеждала меня попытаться, и, ни на что особенно не рассчитывая, я послал ему файл.

Как-то днем, через три недели, он мне позвонил и предложил двадцать тысяч долларов. Исключительно от удивления я ляпнул: «Конечно, валяйте». Эми завизжала от восторга и пригласила меня в ресторан.

Книга вышла восемь месяцев спустя, квадратная, в твердом переплете с зернистой фотографией какого-то тусклого дома в Санта-Монике на обложке. По мне, так нужно быть совершенно не в своем уме, чтобы взять в руки такую книгу, не говоря уже о том, чтобы ее купить, но на нее обратила внимание «Лос-Анджелес таймс», было еще несколько благоприятных отзывов, и, как ни странно, она начала понемногу продаваться.

Мир продолжал двигаться вперед, и мы вместе с ним. Произошли самые разные вещи: я ушел с работы, мы переехали. И сейчас я был парнем, который написал книгу. Очевидно, это означало, что мне следовало стать парнем, который написал *еще одну* книгу. Но мне ничего не приходило в голову. И это «ничего» продолжало не приходить с упорством, говорившим о том, что оно и дальше собирается при-

держиваться выбранной линии и что это его главное умение и жизненное предназначение.

Через пару часов я отправился в спальню, выпил еще пива, но это не очень помогло. Я валялся на диване, погрузившись в беспокойное состояние человека, которому не удалось сострять из ничего что-то. Я понимал, что должен раскрыть папку с материалами для книги, которые без особого энтузиазма искал в Интернете. А еще я знал, что, если вытяну их на свет и из них на мой стол не вывалится ничего вразумительного, мне придется вернуться в город и купить гвозди подлиннее, чтобы перейти к плану А. Хотя мой ноутбук не сделал мне ничего плохого и я еще не был готов его прикончить.

Я взял из лежавшей на столе пачки не заслуженную мной сигарету, полагавшуюся в случае окончания работы, и отправился на веранду. Я перестал курить в доме через год после того, как мы с Эми поженились. Она сначала терпела, потому что сама курила давным-давно, еще до нашего знакомства, а потом начала пользоваться разными там освежителями воздуха и вскидывала бровь всякий раз, когда я закуривал. Вскидывала слишком настойчиво, хотя вполне деликатно и ради моей же пользы. У меня не было особых возражений против нового порядка. Я курил сколько влезет на работе, и наши гости больше не могли обвинить меня в покушении на убийство путем принуждения к пассивному ку-

рению, – в общем, жизнь для всех стала проще.

Я облокотился на поручни. В мире царила тишина, которую нарушал лишь заговорщический шепот деревьев. Над головой у меня сияло холодное ясное небо, окрашенное в синий цвет полуночи. Я чувствовал запах пихт и далекий древесный дым от чьего-то камина – скорее всего, наших соседей Циммерманов. Я знал, что здесь хорошо. У нас чудесный дом. Вокруг дикий пейзаж, который не менялся с незапамятных времен. Берч-Кроссинг – в определенном смысле первозданное место, но без фанатизма: здесь в равной степени представлены пикапы и внедорожники, и если вам понадобится изящная лопаточка для торта, вы найдете, где ее купить.

Циммерманы живут в пяти минутах езды, и мы уже дважды у них обедали. Они – ушедшие на покой преподаватели истории из Беркли, и в первый наш визит разговор не очень-то задался, но во второй раз мы принесли с собой бутылку виски, которая помогла смазать колеса. Оба весьма энергичны для своих семидесяти лет – Бобби ставила в CD-проигрыватель все подряд, начиная от Моцарта и кончая «Спарклхорс»⁵, а в волосах Бена почти не видно было седины. Мы с ним теперь по-приятельски разговаривали, если встречались на улице, хотя я подозревал, что не очень нравлюсь его жене.

Неделю назад я стоял здесь же, на веранде, когда кое-что

⁵ «Sparklehorse» – рок-группа из Ричмонда (штат Виргиния), образована в 1995 году.

произошло.

Я наблюдал сквозь стеклянную дверь за тем, как Эми резала овощи и колдовала над сковородой, стоящей на плите. Я чувствовал запах помидоров, каперсов и орегано, которые тушились в сковороде. Вечер еще не наступил, и света вполне хватало, чтобы оценить вид и все достоинства дома. Вместо того чтобы находиться в своем офисе до начала десятого, моя жена стояла на кухне и с удовольствием лепила там свои куличики, а мне нравилось, как она выглядит – слева и справа, а также сзади и спереди. Утром у меня даже появилась идея, и я на некоторое время поверил, что смогу произвести на свет еще одну книгу про... что-нибудь. Планеты выстроились в одну линию, и девять десятых жителей Земли с радостью и не раздумывая поменялись бы со мной местами.

Однако на мгновение у меня возникло ощущение, будто мир накрыла громадная туча. Сначала я не очень понял, что чувствую. Затем сообразил, что не имею ни малейшего представления о том, где нахожусь. Я не знал не только названия города – я даже не мог вспомнить, в каком я штате! И что со мной случилось или когда, а еще как я попал в это место и время. Дом казался чужим и незнакомым, деревья будто выросли в единую секунду, когда я на них не смотрел. А женщина по другую сторону застекленного окна была мне чужой, а ее движения непонятными и незнакомыми.

Кто она такая? Почему стоит с ножом в руке? И почему смотрит на него так, словно не может вспомнить, для чего он

нужен? Это ощущение было слишком мимолетным, чтобы назвать его паникой, но все-таки я почувствовал, как волосы у меня на затылке зашевелились. Я заморгал, оглядываясь по сторонам и пытаясь увидеть хоть что-нибудь реальное и знакомое. И это не потому, что мы переехали. Я много путешествовал, к тому же мне до смерти надоел Лос-Анджелес. Я устал от бессонницы, но дело было не в этом и не в банальных призраках прошлого. И не в сожалениях или чувстве вины. Я не мог дать внятного определения тому, что со мной в тот момент происходило.

Все было не так. Совсем не так.

А потом туча ушла. Просто исчезла, и все. Эми подняла голову и подмигнула мне через окно, без сомнений, женщина, которую я любил. Я улыбнулся ей в ответ и повернулся к горам, чтобы докурить свою сигарету. Лес выглядел таким, каким я ожидал его увидеть. Все снова было хорошо.

Обед получился очень вкусный, и я некоторое время слушал, как Эми рассказывала мне про свою новую работу. Она занимается рекламой. Думаю, вы знаете, что это такое. Суть профессии заключается в том, чтобы заставить людей тратить деньги, чтобы другие люди, которых они даже не знают, могли покупать себе дома больше тех, что у них есть сейчас. Вроде организованной преступности, только рабочий день длиннее. Как-то раз я сказал что-то похожее Эми, предложив говорить клиентам, что они должны забыть о рекламе и статистике и заставлять людей покупать товары под угрозой

жизни. Она попросила меня никогда не произносить подобных слов в присутствии ее коллег, чтобы они не отнеслись к ним слишком серьезно.

Работа Эми имела для нас огромное значение, потому что ее новый пост в качестве исполнительного директора, кочующего по всей корпоративной империи – с офисами в Сиэтле, Портленде, Сан-Франциско и Лос-Анджелесе, – позволил нам выбраться из Города ангелов. Для нее это была огромная перемена, она родилась и выросла в Калифорнии, любила находиться рядом с семьей, по-прежнему жившей в ее родном городе. Эми объяснила свое желание переехать сюда значительным повышением зарплаты, но она никогда не отличалась безумной любовью к деньгам. На самом деле, я думаю, она сделала это ради меня, чтобы я мог уехать из города, и потому за десертом я сказал ей, что ужасно благодарен.

Она закатила глаза и заявила, чтобы я не дурил, но приняла мой поцелуй, сопровождавший слова благодарности. И все те, что последовали за ним.

Докурив сигарету, я достал из кармана телефон, чтобы узнать время. Половина двенадцатого. Работа Эми предполагала кучу обедов с клиентами, в особенности сейчас, и она вполне могла еще не добраться до своего отеля. Я знал, что она прочитает сообщения, как только сможет. Но я не разговаривал с ней целый день и очень хотел услышать ее голос.

Я уже решил снова набрать ее номер, когда телефон за-

чирикал по собственной инициативе. На экране появилась надпись: «Эми моб». Я улыбнулся совпадению и поднес телефон к уху.

– Привет, деловая колбаса, – сказал я.

Но звонила не моя жена.

Глава 5

– Кто это, пожалуйста?

Голос был мужским, грубым и с акцентом. Из трубки Эми он звучал и вовсе ужасно.

– Это Джек, – ответил я, чувствуя себя глупо. – Кто...

– Это дом?

– Что? Кто вы?

Голос что-то произнес, может быть имя, но прозвучало это как случайный набор букв.

– Что? – повторил я.

Это мог быть польский язык, русский, марсианский. Мог быть самый обычный приступ кашля. Фоном служил страшный шум. Наверное, машины на дороге.

– Это дом? – рявкнул он снова.

– В каком смысле? Почему у вас...

У этого парня, видимо, был всего один вопрос, и он собирался задавать его, пока не получит ответа.

– На этот номер стоять «Дом».

Наконец в голове у меня прояснилось.

– Да, – сказал я, сообразив, что он имеет в виду. – Это номер домашнего телефона. А телефон принадлежит моей жене. Где...

– Найти в машине, – сказал мужчина.

– Хорошо. Я понял. А когда вы его нашли?

– Пятнадцатый минута. Когда хороший сигнал, я звонить. Телефоны не всегда работать здесь.

– Он принадлежит женщине, – проговорил я громко и четко. – Короткие светлые волосы, возможно, в деловом костюме. Вы везли похожую на нее женщину?

– Весь день, – ответил он. – Весь день такие женщины.

– А сегодня вечером?

– Может быть. Она есть? Могу я говорить с ней, пожалуйста?

– Нет, я не в Сиэтле. А она да, и вы тоже, я – нет.

– О, ясно... ну... я не знаю. Что вы мне хотите?

– Подождите минутку, – сказал я. – Не отключайтесь.

Я быстро спустился вниз, в кабинет Эми. К монитору была прикреплена записка с написанным на ней названием отеля. «Малб».

В телефоне я слышал только далекую сирену и подождал, когда она затихнет.

– Отель «Мало», – проговорил я. – Вы его знаете?

– Конечно, – ответил он. – Он в центре.

– Вы можете отвезти телефон туда? И отдать его дежурному?

– Это далеко, – заявил мужчина.

– Конечно. Но отвезите телефон портье и скажите, чтобы они попросили хозяйку телефона спуститься. Ее зовут Эми Уолен. Вы поняли?

Он прорычал что-то отдаленно похожее на «Эми». Я по-

вторил его несколько раз, а потом еще два раза произнес по буквам.

– Отвезите туда телефон, хорошо? Она вам заплатит. Я ей позвоню и скажу, что вы приедете. Договорились? Отвезите телефон в отель.

– Хорошо, – согласился он. – Двадцать долларов.

Сердце продолжало отчаянно колотиться у меня в груди и после того, как он отключился. Но по крайней мере, теперь я знал, что случилось. Эми не ответила на мое последнее сообщение, потому что не слышала его; таким образом, я мог примерно определить, когда она потеряла телефон. Около девяти, решил я. Либо раньше, и она подумала, что вернется в отель и тогда расскажет мне о пропаже. В любом случае ей нужно сообщить про типа, который его нашел. Если он его, конечно, нашел. Иногда человек, укравший телефон, звонит владельцу домой и делает вид, что он добропорядочный гражданин и хочет помочь. Тогда хозяин телефона не станет блокировать карточку и вор сможет им пользоваться сколько влезет – до условленного времени встречи, а потом просто выбросит его в помойку. Если звонивший мне мужчина задумал поступить именно так, я ничего не мог сделать – я не мог заблокировать телефон Эми, не поговорив сначала с ней. В записке не было номера отеля, что меня несколько не удивило – когда она не дома, мы всегда звоним друг другу на мобильники, потому мой номер и значился в

ее записной книжке как «Дом».

Мне потребовалось провести десять секунд в Интернете, чтобы найти отель «Мало». Я набрал номер и терпеливо выслушал обязательную приветственную речь портье, включившую в себя перечисление фирменных блюд ресторана. Когда он замолчал, я попросил его соединить меня с Эми Уолен и услышал, как он стучит по клавишам компьютера.

– Я не могу этого сделать, – сказал он наконец.

– Она еще не вернулась? – Я посмотрел на часы. Почти полночь. Довольно поздно, даже если клиент, с которым она встречалась, очень важный. – Хорошо. Соедините меня с голосовой почтой.

– Нет, сэр. Я имел в виду, что у нас нет постояльца с таким именем.

Я открыл рот. И снова закрыл. Неужели я перепутал числа?

– А когда она выписалась?

Снова стук по клавиатуре. Когда он заговорил, его голос прозвучал очень осторожно.

– У меня нет сведений о том, чтобы кто-то под таким именем бронировал у нас номер.

– На сегодня?

– В течение всей прошедшей недели.

– Она в городе два дня, – терпеливо проговорил я. – Приехала во вторник. Останется до утра пятницы. Иными словами, до завтра.

Он ничего мне не ответил.

– А вы можете посмотреть Эми Дайер?

Я произнес «Дайер» по буквам. Это была девичья фамилия Эми, и вполне возможно, что кто-то у нее в офисе зарезервировал для нее номер под именем, которое она носила семь лет назад. До некоторой степени возможно.

Снова стук клавиш.

– Нет, сэр. Дайер тоже нет.

– Попробуйте «Керри, Крейн и Харди». Это название компании, где она работает.

Стук клавиш.

– Ничего, сэр.

– Она у вас не регистрировалась?

– Я могу вам еще чем-нибудь помочь, сэр?

Мне больше не приходило в голову никаких вопросов. Он подождал немного, сказал, что в Интернете есть сайт их сети отелей, и повесил трубку.

Я снял записку с экрана. У Эми исключительно разборчивый почерк, и понять, что она написала, можно даже с орбитального корабля. Отель «Мало».

Я снова набрал номер отеля и попросил соединить меня с отделом брони. Снова проверил все три имени. В последнюю минуту вспомнил, что должен еще раз поговорить с портье. Мне ответила женщина, я сказал, что к ним принесут мобильный телефон, и попросил оставить его на мое имя. Я

сообщил ей номер своей кредитной карты, чтобы она сняла двадцать долларов, причитающиеся водителю.

Затем снова зашел в Интернет. Проверил все отели в центре города с названиями, похожими на «Мало». Нашел отель «Монако», расположенный всего в нескольких улицах от «Мало». Судя по описанию на сайте, это был как раз такой отель, в котором Эми могла остановиться: старомодный интерьер, ресторан с кейджн⁶ плюс золотые рыбки в номерах.

Я снова взглянул на записку. Теоретически это могло быть «Монако», если Эми писала в спешке или в приступе эпилепсии. А еще существовала вероятность, что, когда секретарша говорила ей, где зарезервирован номер, Эми неправильно услышала название отеля и в результате ввела в заблуждение меня. Мало, Монако... Ну, может быть.

Я позвонил в «Монако», на другом конце провода оказалась добрая и отзывчивая женщина. Она быстро все выяснила и с сожалением сообщила, что моя жена не останавливалась в их отеле – ни сейчас, ни когда-либо. Я поблагодарил ее и положил трубку. Совершенно спокойно, как если бы это и надеялся услышать. Будто я действительно неверно прочитал записку Эми или она не расслышала и записала на бумажке слово, которое по совпадению оказалось названием другого отеля в том же городе.

Я встал, потер руки и пощелкал суставами пальцев. Дом

⁶ Кейджн – кухня французских эмигрантов в США, для которой характерны острые и пряные блюда.

вдруг показался мне невероятно огромным. У меня над головой, на другом этаже, послышался стук – это холодильник выбросил очередную порцию льда на поднос.

У меня не слишком сильно развито воображение. А всплески интуиции, случавшиеся в моей жизни, как правило, основывались на очевидных вещах, просто я понимал это лишь спустя время. Но в тот момент я почувствовал себя так, словно лишился опоры и защиты, совсем как в тот момент, когда стоял на веранде неделю назад. Была полночь. В последний раз я разговаривал с женой в одиннадцать часов накануне вечером. Всего несколько слов, как это бывает между людьми, у которых медовый месяц уже позади. «Как дела?» – «Как у тебя?»; напоминания о мелких поручениях; чмок-чмок; спокойной ночи. Я представил себе, как она сидит, подобрав ноги, на разобранной кровати, рядом кофейник или его вот-вот принесут, дорогие и явно слишком тесные деловые туфли сброшены и лежат на полу в ее номере, в отеле «Мало».

Только ее там нет.

Я положил руку на мышку компьютера Эми. Поколебался немного, но затем нашел ее личный органайзер и дважды щелкнул по нему. У меня возникло ощущение, будто я вторгаюсь на чужую территорию, но мне необходимо было проверить. На экране открылось окошко с ее дневником. Четыре дня помечены «Сиэтл», а все пространство между ними было занято самыми разными встречами, несколько завтраков,

обедов и ужинов с клиентами. Кроме этого вечера. Сегодня после восемнадцати тридцати у нее не было никаких дел.

В таком случае почему она не позвонила?

Поначалу она звонила на городской телефон, но потом стала предпочитать мобильный, потому что знала: хоть я будто бы и сижу весь день за работой, но мое тело и письменный стол – это два магнита с одинаковым зарядом, а значит, существует высокая вероятность того, что я могу оказаться где-нибудь в другом месте. И она всегда оставляла сообщение. Всегда.

У Эми имелись собственные представления о том, каким должен быть отель. Возможно, она приехала в «Мало» и он ей не понравился, и тогда она вполне могла отправиться куда-нибудь в другое место. А ничего не сказала потому, что это несущественно и не должно было помешать нам связаться друг с другом. Сначала деловые встречи, потом столик на одного человека в самом модном на этой неделе ресторане Сиэтла, где она ужинает и одновременно читает отчеты и статистические данные, а Джеку можно позвонить, возвратившись в номер. По дороге в отель телефон выпадает из кармана. Она неожиданно встречается с кем-нибудь из коллег и решает выпить с ним бокал вина. Собирается вернуться в отель, открывает сумочку, чтобы достать телефон... и думает: «Твою мать!»

Угу, может, и так.

Я снова окинул взглядом ее стол. Рабочие места обыч-

ных людей похожи на руины сгнувшей цивилизации. Совершенно невозможно понять, почему они положили одну вещь здесь, а другую – там. В отличие от стола Эми, который поражает своей ослепительной чистотой и аккуратностью и похож на рекламный стенд с канцелярскими принадлежностями. Стол выглядел как обычно, и все на нем говорило о том, что она собиралась к нему вернуться. Если не считать того, что ее карманный компьютер стоял на зарядке. Эми единственная из всех, кого я знаю, кто на самом деле пользуется КПК, а не просто обзаводится им. Она хранит в нем самые разные записи, заметки, свой дневник, адреса, телефоны и обращается к нему по двадцать раз на день. И всегда берет с собой в деловые поездки.

Но он остался дома. Я включил его. И обнаружил копию дневника, который находился в ее ноутбуке. Список дел. Наброски слоганов. Я вернул КПК на место. Значит, на сей раз она решила взять с собой на одну вещь меньше. У Эми имелась собственная система. В ее мире для всего было свое место, и все предметы послушно оставались на этих местах, если не хотели неприятностей на свою голову.

Однако сегодня она сама не была там, где ей следовало находиться.

И что теперь? Проблема ее телефона решена. Я попытался сделать все, что мог, чтобы с ней поговорить, но зашел в тупик. Возможно, это ничего не значит. Рациональная часть моего сознания была готова к ее звонку, и я надеялся, что

услышу уставшую Эми, которая расскажет мне запутанную историю про то, как кто-то забыл зарезервировать ей отель, а она потеряла телефон. Я даже вообразил себе пронзительный звонок и уже почти решил пойти покурить на веранду, чтобы дожидаться его там. Либо это, либо в постель.

Но каким-то непостижимым образом я оказался в гостиной и, опустив руки, остановился у огромного окна. Проходили минуты, а я не шевелился. В доме царила тишина. Никогда не бывает так тихо, как тогда, когда очень ждешь телефонного звонка. Вскоре биение пульса у меня в ушах стало казаться мне оглушительным, начало набирать силу и вот уже зазвучало как визг шин на мокром асфальте, и, хотя он раздавался издали, я понимал, что машина вскоре настигнет меня.

Я не мог избавиться от дурацкого ощущения, что с моей женой что-то случилось. Что ей, возможно, угрожает опасность. Я смотрел мимо своего отражения в зеркальном стекле на черные тени на фоне темно-синего неба и чувствовал, что та самая машина неминуемо приближается ко мне.

Что я всегда был ее мишенью, а теперь пришло мое время. И что она собьет меня сегодня ночью.

Глава 6

Оз Тернер сидел на особо выбранном месте, у стены в ближайшей к двери кабинке. От глаз остальных посетителей «Снежной Мэри» его защищала вешалка для одежды. Зато ему было хорошо видна парковка, легковушки и грузовики-пикапы, которых объединяло одно: все они успели многое повидать на своем веку. Он дважды побывал в баре накануне, чтобы подготовиться. Служащие офисов, пришедшие пообедать, и молодые мамы, которые кормят детей салатами из собственных тарелок. Вечером состав посетителей менялся – одинокие мужчины и пары среднего возраста, выпивающие в мирном молчании или тоске. Их машины ждали своих хозяев снаружи, точно старые верные псы, бесцветные и призрачные в темноте. Чуть дальше расположился городок Хэнли. Через несколько улиц, за маленьким, застывшим во времени старым кварталом, несла свои воды широкая тихая река. Либо сама Миссисипи, либо Блэк. Оз не знал наверняка. Впрочем, ему было все равно.

Он медленно пил пиво, чтобы сохранить свое место. Он заказал еще и фирменное блюдо, но не притронулся к липким на вид крылышкам. И не только потому, что нервничал. За последний год у него изменились привычки. Когда-то он был гурманом, своего рода экспертом в чревоугодии. Сыпал в чашку три ложки кофе «Максвелл хаус». Съедал огромные

порции. Разумеется, он получал удовольствие от вкуса еды, но не меньшее – от ее количества. Однако больше пища не доставляла ему радости и умиротворения. Через некоторое время пришла официантка и забрала его тарелку, но он это воспринял равнодушно.

Он снова взглянул на часы. Уже за полночь. В баре царил полумрак, горели лампы и неоновая реклама пива. Телевизор едва слышно что-то бормотал. Осталось человек десять или пятнадцать. Оз решил дать ему еще четверть часа, а затем уйти.

Как раз в этот момент на парковку въехала машина.

Вошедший мужчина был в старых хлопчатобумажных штанах и потрепанной куртке с эмблемой «Окленд Рейдерс»⁷, он держался с видом человека, который большую часть времени проводит на широких плоских равнинах рядом с сельскохозяйственными машинами. Куртка явно была не отсюда, но сейчас понятие географии стало довольно растяжимым. А потом Оз подумал, что она являлась сигналом – для него. Он повернулся к окну и принялся наблюдать за отражением мужчины в стекле.

Тот подошел к стойке, взял пиво, обменялся парой обязательных слов с барменом, а затем направился прямо к его кабинке. Вне всякого сомнения, он воспользовался зеркала-

⁷ «Oakland Raiders» – команда, играющая в американский футбол, из Окленда (штат Калифорния).

ми за стойкой бара и осмотрел помещение, чтобы все выглядело так, будто он пришел на встречу с приятелем, а не ищет незнакомого человека.

Оз отвернулся от окна, когда мужчина сел у противоположной стены кабинки.

– Мистер Джонс?

Мужчина кивнул, окинув Оза оценивающим взглядом. Оз знал, что тот увидел человека, который выглядит на десять лет старше, чем есть. Покрытые седой щетиной обвислые щеки говорили о том, что когда-то он весил на тридцать кило больше. Его толстое пальто сидело слишком свободно, как одеяло на большой собаке.

– Я рад, что вы согласились встретиться со мной лично, – сказал мужчина. – И немного удивлен.

– Двое мужчин в баре, – сказал Оз, – и больше никто не узнает. А электронное письмо можно прочитать. Даже когда оба мертвы.

Мужчина уважительно кивнул.

– Если они захотят тебя найти, они это сделают.

Оз знал это даже слишком хорошо, поскольку «они» напали на него год назад. Он до сих пор не был уверен, кто «они» такие. Ему удалось исправить то зло, которое они пытались ему причинить до того, как ситуация стала безвыходной, но он все равно чувствовал, что должен уехать из города. С тех пор он постоянно был в дороге, оставив работу в маленькой местной газетке и тех немногих людей, которых

называл друзьями. Ушел на дно. Так было лучше.

Разумеется, Джонс про это ничего не знал. Просто Оз говорил о том, что каждое электронное письмо, каждое сообщение и загруженный файл оказываются на сервере, находящемся где-то в потайном месте. Машины ничего не видят и еще меньше понимают, но зато у них идеальная память. В Интернете нет анонимности, и рано или поздно законопослушные граждане узнают, что их письма любовникам или любовницам не только их личное дело, как и часы, озаренные сиянием чужой наготы. Что за вами наблюдают – все время. Что Сеть не детская песочница. Это зыбучий песок, который легко может тебя проглотить.

– И как вам Хэнли? – спросил мужчина, оглядываясь по сторонам.

Пара в соседней кабинке шепотом вела едва слышную словесную схватку, но ядовитые реплики не доходили до собеседников, они попросту не слышали друг друга.

– Я немного знаю Висконсин. А про этот город никогда даже не слышал.

– Сейчас я здесь, – сказал Оз. – И это все. Как вам удалось узнать мой электронный адрес?

– Слышал ваш подкаст⁸. Нам захотелось с вами поговорить. Немного покопал, решил рискнуть. Ничего особенного.

⁸ *Подкастинг* – создание и распространение в Интернете аудио- или видеопередач.

Оз кивнул. Время от времени он участвовал в ночном радиошоу, когда жил на востоке страны. Разумеется, передачи прекратились, когда он уехал из города. Но в последние несколько месяцев он начал записывать на свой портативный компьютер разные музыкальные фрагменты, а затем загружал их в Сеть. Впрочем, не только он это делал, были и другие.

– Меня беспокоит то, что вы сумели найти мой электронный адрес.

– Вам бы следовало больше беспокоиться, если бы я не смог его узнать. Это означало бы, что я не профессионал, а любитель.

– И что же вы хотите мне сказать?

– Сначала вы, – проговорил Джонс. – То, что вы сказали в своей передаче, весьма невнятно. Я в электронном письме намекнул на то, что нам кое-что известно. Теперь я хочу послушать вас.

Оз обдумывал, как передать суть и при этом соблюсти безопасность. Он сделал глоток пива, затем поставил кружку на стол и посмотрел Джонсу в глаза.

– У неандертальцев были флейты, – сказал он. – Зачем?

– Чтобы на них играть, – пожал плечами тот.

– Перефразирую вопрос: почему они считали важным иметь возможность воспроизводить некоторые звуки, когда добыча пропитания была для них невероятно тяжелой работой?

– Действительно, почему?

– Потому что звук важен в определенных ситуациях, которые мы забыли. В течение миллионов лет его было невозможно записывать. Теперь эта задача решена, вот почему мы сосредоточили наше внимание на типах звуков, имеющих очевидное значение. Но музыка – это, скажем так, боковая аллея. Даже речь не так важна. Все остальные живые существа общаются при помощи лая или чириканья – почему же нам требуются тысячи слов?

– Потому что наша Вселенная сложнее мира собак.

– Это следствие, а не причина. Наш мир полон разговоров, радио, телевидения, все болтают между собой, да так громко, что мы забываем, почему контроль над звуками изначально представлял для нас такое огромное значение.

– Какое?

– Речь возникла из доисторических религиозных ритуалов, развилась из произносимых нараспев звуков. Но встает вопрос: почему мы тогда так делали? И с кем пытались разговаривать?

На лице мужчины появилась едва уловимая улыбка.

– А также почему, когда вы смотрите на европейские памятники каменного века, становится ясно, что звук являлся основным фактором в их создании. Ньюгрейндж⁹, Карнак¹⁰

⁹ *Ньюгрейндж* (Ши-ан-Вру) – мегалитическое культовое сооружение в Ирландии, входящее в комплекс Бру-на-Бойн. Датируется 3200 г. до н. э.

¹⁰ *Карнак* – поселок во Франции, вблизи которого находится множество мега-

и сам Стоунхендж – внешние поверхности камней грубые и шероховатые, зато внутренние невероятно гладкие. Чтобы через них проходил звук. На определенных частотах.

– Это было очень давно, Оз. Кто знает, что было в головах у ребятишек, которые тогда жили? Нам-то какое до них дело?

– Почитайте «Синтагма музикум», древний каталог музыкальных инструментов, составленный Преториусом¹¹. В шестнадцатом веке все главные соборные органы в Европе имели трубы высотой под тридцать метров, монстры, производившие инфразвук, слишком низкий, чтобы его могло услышать человеческое ухо. Зачем, спрашивается, использовать такие частоты? Почему люди в церкви ощущают себя иначе, не так, как за ее стенами, почему у них появляется чувство связи с чем-то потусторонним? И почему в наше время столько нетрадиционных медицинских практик, основывающихся на вибрациях, которые, по сути, одна из форм звука?

– Вот вы мне и скажите, – тихо проговорил Джонс.

– Потому что история про стены Иерихона рассказывает о разрушении не реальных стен, а фигуральных, – пояснил Оз. – Стены между этим местом и другим. Звук – это не только то, что мы слышим. Он наша способность видеть.

литических памятников.

¹¹ «Sintagma Musicum» – энциклопедический труд по истории и теории музыки (1616–1620), написанный Михаэлем Преториусом, немецким композитором и органистом (1571/2–1621).

Джонс медленно кивнул, принимая его слова.

– Я понимаю, о чем вы. Отлично понимаю.

Оз откинулся на спинку стула.

– Достаточно?

– Пока да. Можете не сомневаться, мы с вами, скажем так, на одной частоте, простите за дурацкую шутку. А где вы столкнулись с этой темой впервые?

– Много лет назад встретился с одним человеком на конференции. Она была совсем маленькой и посвящалась аномальным явлениям. В Техасе. Мы с ним поддерживали связь. У него появились кое-какие идеи, и он начал над ними работать в свободное время. Что-то строил. Время от времени мы переписывались по электронной почте, и я делился с ним своими находками касательно доисторических времен. А потом, примерно месяц назад, он пропал. И с тех пор я о нем ничего не слышал.

– Возможно, с ним все в порядке, – сказал Джонс. – Иногда люди пугаются чего-то, уходят в подполье и не высовываются. А вы с ним обсуждали свои идеи на каком-нибудь форуме?

– Нет, конечно. Только между собой.

– И вы сами никому не писали про это в электронных письмах?

– Нет.

– Никогда ведь не знаешь, когда «они» подслушивают.

Ирония и одновременно – нет. Оз на это только фыркнул.

Среди людей, пытающихся отыскать правду, понятие «они» было очень сложным. Разумеется, ты знал, что «они» существуют – только так можно объяснить все необъяснимые события, происходящие в мире, – но ты понимал, что если будешь говорить про «них», то все решат, что ты не в своем уме. Поэтому ты ставил кавычки. Кто-то произносил **ОНИ** с подчеркиванием, заглавными буквами и жирным шрифтом, но это означало, что он либо прикидывается, либо безумен. Но если ты слышал маленькие насмешливые кавычки... существовала вероятность того, что твой собеседник в полном порядке.

– А разве нет? – сказал Оз, подыгрывая своему собеседнику. – Этого никогда не узнать. Даже если «они» на самом деле не существуют.

– Я поговорю со своими друзьями, – улыбнувшись, сказал Джонс, – и попытаюсь собрать нас всех вместе. Рад, что мы познакомились, Оз. Давно ждал возможности встретиться с человеком вроде вас.

– Я тоже рад, – сказал Оз и на мгновение почувствовал себя ужасно одиноким.

– Скоро свяжемся. А вы тем временем будьте осторожны, – проговорил Джонс и ушел.

Оз наблюдал за тем, как Джонс сел в свою машину, выехал с парковки и повернул в сторону шоссе. Затем Оз медленно допил свое пиво. Он не спешил – для разнообразия.

На мгновение у него даже появилось чувство, будто он всего лишь сидит в баре, а не прячется в нем. Люди у стойки разговаривали и смеялись. Пара, которая ссорилась, уже помирилась, и женщина заключила мужчину в тесные объятия. Оз пожелал им удачи.

Когда он наконец вышел наружу, там оказалось холодно и ветрено, на улицах было пусто. Люди, живущие нормальной жизнью, давно спали дома, в своих постелях. Оз собирался к ним присоединиться. В настоящий момент его домом был незаметный мотель на краю города, но любой дом лучше, чем ничего.

По дороге он задумался о Джонсе, пытаясь понять, кого тот представляет. Существовало множество групп, интересующихся скрытыми от глаз общественности вещами и тайной правдой. Например, фанаты Джона Кеннеди, которые встречались раз в месяц и изучали результаты посмертного вскрытия. Психи, бесконечно пересматривающие записи 11 сентября и моделирующие на компьютере траектории упавших самолетов, те, кто утверждал существование Приората Сиона¹², и те, кто отрицал существование холокоста, – иными словами, компании сумасшедших, поднимающих на щит все, что могло и не могло быть правдой. Ему показалось, что те, кого представляет Джонс, – другие, иначе он ни за что не согласился бы с ними встретиться. Небольшая группа це-

¹² *Приорат Сиона* – несуществующее тайное общество, история которого является мистификацией XX века.

леустремленных мужчин и женщин, изучающих факты без оглядки на предыдущие исследования. Они собирались тайно и не заикливались на отдельных деталях, а потому видели целое. Именно такие люди и требовались Озу. Решительные и преданные своему делу.

Может быть, теперь, после того как он провел столько времени в бегах, дело начало сдвигаться с мертвой точки. Оз пошел немного быстрее, рассеянно размышляя о том, есть ли в его мотеле буфет.

Буфета там не оказалось, а автомат по продаже содовой не работал. Установив эти факты и смирившись с ними, Оз вошел в свой номер, сначала убедившись в том, что полоска скотча, приклеенная к нижней части двери, осталась нетронутой.

Оказавшись внутри, он остановился посреди комнаты, не зная, что делать. Было уже поздно, и ему следовало лечь спать, а завтра как можно раньше отправиться в путь. Продолжить двигаться. Но встреча с Джонсом его взволновала, и он знал, что, стоит ему лечь, в голове тут же закрутятся бесконечные спирали мыслей и наутро он встанет уставшим и с головной болью.

Он включил древний телевизор на подставке, стоящий рядом с не менее древним столом. Громадный экран медленно ожил, и на нем появилось повторение шоу такого старого, что Оз его едва вспомнил. Отлично. Легкий шумовой фон,

который проникает в голову и убеждает в том, что все хорошо. Успокаивающий звук.

Раздался стук в дверь.

Оз быстро повернулся, чувствуя, как забилося в груди сердце.

Телевизор работал не настолько громко, чтобы возмутить соседей. А представить себе, почему кто-то мог к нему постучать, было трудно. Часы у кровати показывали два тридцать три.

Он знал, что мерцание телевизионного экрана видно сквозь шторы. Оз подошел к двери и остановился около нее. Именно этого момента он боялся, когда не спал по ночам, и вдруг понял, что не придумал план, который поможет ему в такой ситуации. Неужели это конец?

– Мистер Тернер? Это Джонс.

Человек говорил очень тихо. Оз несколько мгновений смотрел на дверь, затем приложил к ней ухо.

– Чего вы хотите?

– Вы можете меня впустить?

Оз поколебался немного, но потом открыл замок. В узкую щелочку он увидел Джонса.

– Что, черт подери, вам понадобилось?

Джонс остался стоять, не пытаясь войти внутрь.

– Я проехал пару миль и вдруг сообразил, что забыл вам кое-что сказать. Я развернулся, увидел, как вы идете по городу, и поехал сюда за вами.

Оз выпустил его в свой номер, ругая себя за невнимательность.

– Вы меня до смерти напугали, приятель, – сказал он, закрывая дверь и запирая ее на замок. – Боже праведный.

– Я знаю. Извините, я очень сожалею, правда. Просто я проделал такой путь... И знаете, мне кажется, что наша встреча для нас обоих имеет огромное значение. Начало великого дела.

– Да, можно и так сказать.

– Именно. Поэтому я хотел убедиться, что мы ничего не упустили.

Оз немного расслабился.

– Я вас слушаю.

У его гостя сделался смущенный вид.

– Во-первых... ну, понимаете, мне немного неловко... дело в том, что Джонс – это не мое настоящее имя.

– Ладно, – удивленно проговорил Оз, который и сам понял, что его собеседник назвался фальшивым именем. – И что с того?

– Я понимаю, что это не так уж важно. Просто... вы бы все равно узнали, а я бы не хотел, чтобы вы думали, будто я дурю вам голову.

– Все нормально, – ответил Оз, который совсем успокоился и даже подумал, что стоило бы предложить гостю выпить; впрочем, он тут же вспомнил, что у него ничего нет. А в номерах такого класса не обеспечивали клиентов всем необхо-

димым для приготовления кофе. Максимум, на что они были способны, это выдать чистые полотенца.

– И как же вас зовут?

Мужчина чуть сдвинулся с места и оказался немного дальше от двери.

– Шеперд, – ответил он.

Оз выдержал его взгляд, впервые заметив, какие черные у его гостя глаза.

– Ну, меня действительно зовут Оз Тернер. Итак, это мы выяснили. А что во-вторых?

– Вот что, – сказал Шеперд и толкнул Оза в грудь, застав его врасплох.

Тот не удержал равновесия – удар был спокойным, уверенным и сильным, к тому же Шеперд успел подставить ему подножку. Оз отчаянно замахал руками, но все равно полетел назад и ударился головой о телевизор.

Он был изумлен и не мог произнести ни одного внятного звука, когда мужчина наклонился над ним, схватил за куртку и рывком поставил его на ноги.

– Что? – с трудом выговорил Оз, его правый глаз моргал, и он чувствовал, что его оставляют силы. Неожиданно он обратил внимание на то, что его посетитель в перчатках. – Кто вы...

Мужчина придвинул к нему свое лицо.

– Да будет тебе известно, что «они» существуют на самом деле, – сказал он. – И шлют тебе привет.

Затем он разжал руки, чуть развернув плечо Оза вперед, когда тот начал падать. Оз снова ударился головой о телевизор, но на сей раз под менее удачным для него углом, и в комнате послышался приглушенный щелчок.

Шеперд сел на кровать и стал ждать, когда затихнут издаваемые Озом звуки, наблюдая краем глаза за экраном. Он не помнил названия шоу, но знал, что почти все, кто принимал в нем участие, давно умерли. Призраки пришли развлечь умирающего. Почти смешно.

Когда он убедился, что Тернер умер, он достал из кармана неполную бутылку с водкой и вылил ее содержимое Озу в рот. Немного на руки и куртку. Оставил бутылку на полу, там, куда она могла бы упасть. У старательного патологоанатома могут возникнуть вопросы касательно содержимого желудка и уровня алкоголя в крови, но Шеперд сомневался, что до этого дойдет. Только не здесь. Да и Тернер выглядел как человек, который именно так и должен кончить свои дни.

Шеперду потребовалось меньше трех минут, чтобы найти, где Оз спрятал свой компьютер и блокнот. На их место он положил еще пару пустых бутылок из-под водки. Уходя, он тихонько закрыл за собой дверь и потратил еще минуту на то, чтобы найти диск, на котором была скопирована информация с компьютера. Оз приклеил его скотчем под приборную доску своего автомобиля, стоявшего перед номером. Все три предмета будут уничтожены еще до того, как начнется новый день.

Дело сделано, решил Шеперд.

Сев в свою собственную машину, он сообразил, что звонит его мобильный. Он быстро засунул руку под сиденье, но ответить на звонок не успел.

Он проверил, кто звонил. Номер незнакомый, но зато он узнал код региона и выругался.

Первые три цифры 503. Орегон. Кэннон-Бич.

Глава 7

Если лежать неподвижно, совершенно неподвижно, то можно услышать волны. Мэдисон считала, что это самое лучшее, что есть в коттедже. Когда ты ложишься в постель, если, конечно, телевизор в гостиной не работает – а он, как правило, выключен, потому что они приезжали сюда, как говорил папа, чтобы читать и думать, и вместо того, чтобы посмотреть это бесконечное (далее следовало грубое слово), можно слушать океан. Но сначала нужно как следует настроиться. Океан заслоняли дюны, и во время отлива вода иногда оказывалась очень далеко. Нужно дышать очень спокойно, лежа, не шевелясь, на спине с открытыми глазами и ждать... и постепенно ты начинаешь слышать едва различимый шорох, который рассказывает, что сегодня ты будешь спать на краю мира. Ты будешь спать, а волны станут подбираться все ближе, тихонько потянут тебя за ноги, увлекут в дружелюбное тепло, темноту и покой.

Если проснуться ночью, их тоже можно услышать. Ночью даже лучше, потому что вокруг царит тишина, которую не нарушают никакие посторонние звуки. В Портленде всегда есть посторонние звуки – машины, собаки, проходящие мимо дома люди. Иногда волны шуршат совсем тихо, едва различимо, но в плохую погоду их голос становится очень громким. Мэдисон помнила, что однажды она ужасно испугалась

ночью, когда бушевала буря, и ей казалось, что волны мечутся в соседней комнате. Разумеется, ничего такого не было, папа ей сказал, что дюны защитят дом и они никогда не сумеют сюда пробраться, поэтому теперь, когда она слышала их ночью, ей нравился их шум, она чувствовала себя в безопасности и одновременно словно участвовала в удивительном приключении, зная, что полная жизни, ревущая вселенная за их порогом не сможет причинить ей вред.

Так что когда Мэдисон поняла, что проснулась, первым делом она услышала волны. Потом – что идет дождь, который становится все сильнее, и тяжелые капли барабанят по крыше коттеджа. Буря, чье приближение она видела, когда гуляла по берегу, наконец явилась сюда. Завтра песок будет рыхлым и серым и, наверное, усеянным водорослями. В плохую погоду их выбрасывает на пляж, скользкие и необычные, когда она на них наступает. Если, конечно, они вообще пойдут завтра гулять, что...

Она резко села в кровати.

Мэдисон мгновение не шевелилась, глядя прямо перед собой. Дождь так громко стучал по крыше, что был похож на град. Она посмотрела на прикроватную тумбочку. Часы показывали двенадцать минут второго. Почему она проснулась? Иногда ей нужно было в туалет. Впрочем, сейчас ей туда не хотелось, и, как правило, когда она просыпалась ночью, в голове у нее царил туман. А сейчас у нее было такое

ощущение, будто она не спала вовсе. Никогда. В голове у нее бился вопрос.

Что она здесь делает?

Рядом с часами лежало что-то маленькое и круглое. Она взяла в руки крошечного морского ежа и вспомнила, как нашла его на берегу, но ей казалось, что это случилось давно, например в прошлый раз, когда они сюда приезжали, или вообще в другое лето. Она поднесла ежа к носу и понюхала. От него все еще пахло морской водой.

Она помнила, как гуляла по пляжу, а буря направлялась на юг, прямо к ней. Она сидела и думала о том, что должна скоро вернуться в коттедж. А потом... она не совсем могла... иногда так же бывало в машине, когда едешь куда-то далеко и вдруг понимаешь, что прошел большой кусок времени. Вот ты была в двадцати минутах от дома, а оказывается, что машина катит по подъездной дорожке. Причем ты не спала, просто не обращала на окружающий мир внимания, словно мысленно унеслась куда-то, а он продолжал жить своей жизнью. Весь мир и твое тело. Ты бодрствовала и что-то делала, только не задумывалась и не замечала, что делаешь. Все равно как, когда папа прибавляет скорость на автостраде, а потом – бум! – ты уже на перекрестке и снова видишь окружающие тебя вещи и замечаешь все, что происходит.

Хотя... сейчас она вспомнила, как вернулась в коттедж. Когда она пришла с пляжа, мама сидела на стуле, без книги. Даже телевизор не был включен. Она сидела и смотрела на

свои руки. Мама сказала: «Привет», когда появилась Мэдисон, и больше ничего, что показалось ей странным, ведь она опоздала. По меньшей мере на полчаса. На самом деле... она была уверена, что посмотрела на часы в кухне и увидела, что уже семь, а значит, она пришла на целый час позже, чем велела ей мама.

Мэдисон приняла душ, чтобы смыть песок, а когда вышла, мама сказала, что ей сегодня не хочется идти куда-то есть и как Мэдисон относится к тому, чтобы заказать пиццу? Мэдисон считала, что это классная идея, потому что в «Марио» в Кэннон-Бич делали «серьезные пироги», как говорил папа, и купить их можно только здесь, ведь у них не было сети. Мэдисон удивило, что мама это предложила, потому что она обычно твердила, что Марио кладет слишком много сыра и что некоторые продукты, которые он использует, ненатуральные или генетически модифицированные, но в любом случае правильный ответ был: «Да, конечно».

Но потом мама не смогла найти меню, и, когда собралась позвонить в справочную службу, было уже довольно поздно, и вскоре Мэдисон поняла, что пиццы не будет. Она нашла в шкафу коробку с консервированным супом и приготовила его. Мама от супа отказалась. Мэдисон тоже не хотела есть, но заставила себя проглотить примерно половину, а затем почитала книгу по истории. Она любила историю, ей нравилось узнавать о вещах и событиях, случившихся в прошлом.

А потом она отправилась спать. Надела пижаму и забра-

лась в постель. И наверное, уснула.

А теперь она проснулась.

Мэдисон разжала пальцы и снова посмотрела на морского ежа. Она помнила, как наклонилась и подняла его. Помнила, как сидела, держа его в ладони. Так почему же она не может вспомнить, что произошло потом? Морской еж – это событие. Она наверняка должна была броситься показывать его маме в надежде, что он ее обрадует. Почему она не помнит, как это сделала?

Мэдисон снова легла и натянула одеяло до самого подбородка. Она хорошо училась и легко побеждала всех в игру, когда требовалось запоминать разные жесты, – дядя Брайан даже говорил, что она стала бы победительницей мирового чемпионата, если бы такой проводился. Но сейчас окружающая вселенная представлялась ей как большой телевизор, по которому показывают сразу две передачи – или как будто что-то случилось с сигналом и на экране одна картинка, а звук от совсем другого фильма. И хотя она смогла ответить на вопрос, что она тут делает, все равно она ничего не понимала. Она здесь, потому что это их пляжный домик и она приехала сюда с мамой, сейчас ночь, поэтому она лежит в кровати.

Но разве все так и есть?

Она задышала быстрее, как будто ждала, что вот-вот узнает плохую новость или услышит звук, означающий, что к ней

приближается нечто ужасное. Что-то здесь было не так, не так, как должно быть.

А разве не было... какого-то мужчины?

Разве он не дал ей что-то, сказав, чтобы она положила это в ящик своей тумбочки? Карточку, похожую на визитку папы, только совсем простую и белую?

Нет, ничего подобного не было.

Не было никакого мужчины. Точно не было. Значит, нет никакой карточки. И проверять нет никакого смысла.

Но Мэдисон все-таки проверила и обнаружила, что в ящике действительно лежит карточка. На ней было напечатано имя и шариковой ручкой приписан номер телефона. А на другой стороне картинка – как будто кто-то написал цифру девять, а потом немного повернул карточку и нарисовал еще одну девятку и продолжал так делать до тех пор, пока не вернулся к исходной точке.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Мэдисон потянулась к телефону на тумбочке и набрала номер. Гудки звучали и звучали, будто она звонила на другую сторону Луны. Никто не ответил, и Мэдисон положила трубку.

И заставила себя снова лечь. А потом попыталась услышать за дождем шорох волн и забыть про то, что за окном бушует ураган, уловить успокаивающий рокот воды, набегающей на берег. Она лежала с закрытыми глазами и прислушивалась, дожидаясь мгновения, когда течение унесет ее назад, в темноту. Завтра она проснется, и все будет как всегда. Она

просто устала и хочет спать. Все хорошо. Все как обычно.

И не было никакого мужчины.

Когда Элисон О’Доннелл проснулась в полтретьего ночи, то услышала шум дождя, но она знала, что разбудило ее не это. Она отбросила одеяло в сторону и спустила с кровати ноги. Взяла халат и надела его. В голове у нее был туман, она плохо спала, и ее мучили дурные сны, но материнские ноги всегда действуют независимо от желания. Не важно, как сильно ты устала, как измучена, как твои мозг и тело хотят, чтобы ты снова забралась в постель и оставалась там целую неделю, или месяц, или, может, вообще до конца жизни. Есть звуки, которые отзываются в подсознании и побеждают все твои личные желания.

Например, звуки, которые издает твой ребенок.

Элисон вышла из комнаты в коридор. За окном ветер трепал деревья, по стеклу стекали потоки воды. Неожиданно налетел сильный порыв, и дождь ударил в окно, словно пригоршня мелких камешков.

И тут она снова услышала тот самый звук.

Она осторожно подошла к двери в конце коридора, которая была слегка приоткрыта. Элисон приоткрыла ее еще немного и заглянула внутрь.

Мэдисон лежала на кровати, но одеяло сбилось до пояса. Дочь Элисон двигалась – медленно, поворачивая голову на один бок, потом на другой. Глаза у нее были закрыты, но она

тихонько стонала.

Элисон вошла в комнату. Она хорошо знала этот звук. У ее дочери начались кошмары незадолго до того, как ей исполнилось три года, и в течение нескольких лет они ее страшно мучили. В какой-то момент Мэдди начала бояться ложиться спать, уверенная в том, что ужасы, которые она видела – она никогда не могла потом вспомнить, что это было, – снова придут за ней, а вместе с ними вернется ощущение удушья. Около года назад кошмары вдруг прекратились и стали воспоминанием. Но вот Элисон опять услышала знакомый звук.

Она не знала, что делать. Им так и не удалось найти решение. Можно было разбудить Мэдисон, но она потом долго не могла снова уснуть, причем, когда она наконец засыпала, кошмары могли тут же вернуться назад.

Неожиданно Мэдисон выгнула спину, и это движение озадачило Элисон. Она не видела ничего подобного прежде. Ее дочь издала длинный, хриплый стон... и постепенно затихла. В следующее мгновение она резко повернула голову и вздохнула. Потом пошевелила губами, но не произнесла ни звука. И успокоилась, перестав стонать.

Элисон подождала еще несколько минут, пока не убедилась, что дочь крепко спит. Затем осторожно протянула руку и накрыла девочку одеялом. Еще чуть-чуть постояла, глядя на спящую Мэдисон.

«Спи, моя малышка, – подумала она. – Кошмар – это всего

лишь дурной сон. Ты еще не знаешь, что такое настоящая печаль».

Поворачиваясь к выходу, Элисон вдруг заметила какой-то предмет на деревянном полу под кроватью.

Она наклонилась и увидела, что это морской еж. Маленький, серый, сломанный пополам.

Она подняла один из кусочков. Откуда он взялся? Неужели Мэдисон нашла его днем на берегу? Тогда почему же она ничего не сказала? Ведь полагается награда...

Неожиданно Элисон поняла, почему ее дочь ничего ей не рассказала о своей находке, и ей стало невыносимо стыдно. Кусочек, который Элисон держала в руке, был твердым. Чтобы сломать ежа пополам, требовалось приложить усилие.

Она выпустила обломок, и он упал на пол, а сама она вышла из комнаты, оставив дверь приоткрытой. Затем она вернулась в свою постель и долго лежала, глядя в потолок и слушая дождь.

Глава 8

Я добрался до отеля «Мало» около десяти часов утра. Я проснулся, когда еще не было шести, но понимал, что звонить Эми в офис нельзя еще несколько часов. Поэтому я решил действовать. Раньше семи я не мог отправиться к Циммерманам и попросить машину, не вызвав у них удивления. Вспомнив о вчерашнем визите Фишера, я сказал им, что мне позвонил старый приятель и я собираюсь пообедать в городе. Бобби смотрела на меня немного дольше, чем требовалось, а Бен тут же принялся объяснять, как следует управляться с рулем.

Я поехал на запад по девяностому шоссе, а когда оно соединилось с пятым, попал в настоящий час пик и с трудом стал пробираться по Джеймс-стрит. Пока что дорога была мне хорошо знакома, именно по ней мы ездили в город, чтобы провести там день, через неделю после того, как перебрались на Север. Эми провела мне небольшую экскурсию, но она была лучше знакома с гостиницами, чем с туристическими достопримечательностями. Серое небо низко нависло над городом – как и в прошлый раз. В конце концов я выбрался на Шестую авеню, широкий каньон в центре с высокими бетонными зданиями по обе стороны и маленькими аккуратными деревьями, усеянными крошечными желтыми лампочками.

Я остановился перед «Мало», последним в очереди черных городских машин. Вход в отель украшал навес в красно-желтую полоску. Паренек в красной курточке и красной шапочке хотел отогнать мою машину, но я убедил его не делать этого. Вестибюль был отделан известняком и дорогими тканями, в одном из углов располагался камин, стояли багажные тележки из старой меди, а персонал приводил в оторопь своей серьезностью. Из спрятанных где-то динамиков лилась ненавязчивая музыка в стиле нью-эйдж¹³, почему-то напомнившая мне запах свежего ванильного печенья.

Женщина за конторкой оказалась той же, с которой я разговаривал после полуночи. Я с удивлением узнал, что у нее для меня имеется конверт и чек на двадцать долларов. И что она по собственной инициативе попросила водителя написать свое имя – что мне не пришло в голову, – а также название компании, на которую он работает. Его звали Георг, а фамилия представляла собой набор скрипучих слогов, родившихся в какой-то далекой стране. Компания называлась «Ред кэбс». Она сообщила эту информацию, всем своим видом давая мне понять, что гости отеля пользуются более изысканным транспортом вроде носильщиков-аборигенов или антигравитационного скейта. Я попросил ее еще раз проверить, не забронирован ли номер на Эми Уолен, сказав, что я ее коллега и что если мой помощник не зарезервировал

¹³ *Нью-эйдж* – стиль в музыке, для которого характерны мелодичные и продолжительные электронные или инструментальные композиции.

у них номер, то мало ему не покажется. Ничего.

– А вы не могли бы оказать мне еще одну услугу? – задал я вопрос, сформулированный еще по пути сюда. – Я уверен, что мы уже резервировали для нее номера в вашем отеле. Вы не могли бы проверить ваши записи за несколько месяцев?

Она принялась вводить что-то в компьютер, прищурившись, посмотрела на экран, кивнула и снова что-то напечатала.

– Итак, – сказала она, прижав палец к монитору. – Миссис Уолен действительно останавливалась у нас три месяца назад, на две ночи. А перед этим – в январе. На три ночи. Дальше смотреть?

Я сказал, что дальше смотреть не нужно, вышел наружу и дошел до угла, где швейцар и его свита, мечтавшие убраться куда-нибудь мою машину, не могли до меня добраться. Я все еще не решил, разумно ли себя веду, поскольку по личному опыту знал, что имею склонность жать на газ, когда правильное всего было бы посидеть и подождать. Но теперь я выяснил, что Эми действительно останавливалась в «Мало» раньше, и это все меняло. Не потому, что подтверждало то, что она была в Сиэтле тогда – тут у меня не было никаких сомнений, – получалось, что она знала «Мало», а следовательно, не могла отказаться от их услуг из-за того, что они ее не устраивали. На сайте отеля говорилось, что на эту неделю у них были свободные места. Значит, речи о том, что возникли проблемы с бронированием номера, идти не могло.

Я заплатил швейцару и сказал, что скоро вернусь, затем прошел несколько кварталов до отеля «Монако» на Четвертой авеню и сразу понял, что он понравился бы Эми – он бы и самому Господу Богу понравился, – однако, переговорив с портье, я убедился, что ни Господь Бог, ни моя жена здесь не останавливались.

Поиски по гостиницам с самого начала были тупиком. И я знал, что пора о них забыть. Я решил поехать в город около часа ночи, сказав себе, что окажу Эми услугу, забрав ее телефон. Расстояние в двести километров не проблема для северо-западного побережья Тихого океана. Но дело, разумеется, было не только в этом. Эми совершала деловые поездки шесть или семь раз в год с тех самых пор, как мы с ней познакомились. И у нас выработалась определенная система. Не было ни одного дня, чтобы мы с ней не разговаривали, хотя бы коротко. И она не стала останавливаться в отеле, которым пользовалась раньше. Больших причин для беспокойства у меня не было, а в свете дня казалось, что это совсем ничего. Я чувствовал себя довольно глупо оттого, что приехал сюда, а еще мне никак не удавалось заглушить голос, настойчиво звучащий у меня в голове и твердивший, что я лишь воспользовался удобным предлогом, чтобы не садиться сегодня за свой письменный стол.

Я вернулся в «Мало» и уселся на стул у большого окна. Затем я открыл конверт и достал оттуда телефон Эми. Его было невозможно перепутать ни с каким другим, хотя я сра-

зу заметил, что она поменяла картинку на экране. Обычный мобильный телефон, и не более того: идя против корпоративного поветрия, что для нее было совершенно не характерно, Эми категорически отказывалась поддаваться на пропаганду и заводить смартфон. Я нажал на зеленую кнопку. В списке исходящих звонков на первом месте стоял мой номер – от водителя такси, позвонившего мне вчера вечером, – за ним следовали незнакомые мне имена и номера телефонов, пока я не добрался до своего позавчерашнего звонка.

Я включил записную книжку и просмотрел ее в поисках номера «Керри, Крейн и Харди» в Сиэтле. Разумеется, его там не оказалось. Эми известны их личные телефоны, и, разумеется, она не стала бы дозваниваться им через коммутатор.

Я заметил, как индикатор батарейки моргнул два раза, а потом погас.

Воспользовавшись собственным телефоном, я позвонил в справочную службу и узнал номер «Керри, Крейн и Харди». Набрал его и услышал бойкий голос, пропевший знакомое название. Я попросил соединить меня с кем-нибудь, кто работает с Эми Уолен, рассчитывая поговорить с мелким служащим, которому известно ее расписание, а затем встретиться с ней. Кто знает, может, она даже окажется в офисе, и тогда мы сможем вместе пообедать.

Телефон затих на мгновение, а потом меня соединили с чьим-то помощником. Она сказала, что мне нужен какой-то

Тодд, но сейчас он на совещании. Мне обещали, что он позвонит мне, как только освободится или даже раньше.

Потом я позвонил в «Ред кэбс» и попытался узнать, как мне связаться с Георгом Непроизносимым. Мне ответили, что он сегодня не работает, и диспетчер не был самой любезностью, хотя и сказал, что непременно сообщит мне, когда тот появится в гараже. Я закончил разговор, понимая, что этого никогда не произойдет.

Я вышел из отеля и направился на другую сторону улицы в «Сиэтл бест», сел за столик на улице с большой чашкой крепкого кофе, закурил и стал наблюдать за дождем, дожидаясь, когда кто-нибудь мне позвонит.

К половине одиннадцатого я замерз и начал нервничать. Действие десяти баксов, которые я дал швейцару «Мало», подходило к концу, и он уже с трудом сдерживал возмущение по поводу того, что перед отелем стоит моя машина. Далеко не новый внедорожник Циммерманов служил не слишком подходящей рекламой для их заведения. Да и для любого заведения. Ушедшие на покой преподаватели очевидным образом не слишком беспокоились по поводу грязи и вмятин на боках своего автомобиля, заднее стекло которого, кроме всего прочего, украшали выцветшие наклейки с пацифистской символикой. Наконец швейцар перешел через улицу и поведал мне о своих печалях, и я согласился отъехать.

Примерно через квартал я обнаружил подземный гараж.

Выйдя из него, я пару минут изучал карту центра города, позаимствованную в «Мало». Она пестрела обозначениями магазинов и ресторанов, и мне потребовалось некоторое время, чтобы найти улицу, где находилось агентство, в котором работала Эми. Я думал, что оно должно занимать один из множества этажей в каком-нибудь из громадных деловых центров, окружавших меня со всех сторон, и ошибся. В действительности мне была нужна узкая улочка неподалеку от рынка.

Я прошел пару кварталов, и у меня уже начала кружиться голова, но наконец я обнаружил вывеску Торгового центра, а затем спросил дорогу у продавца газет. Он показал мне на боковую улочку, которая примыкала к рынку, а потом резко сворачивала налево. Указатель на одном из домов подтвердил, что это Поуст-Элли. Выглядела она как самое подходящее место для разгрузки рыбы или торговли наркотиками. Но метров через сто начался район, перестроенный в пост-модернистском стиле девяностых, с японским рестораном, украшенным висячими корзинками с цветами, и маленьким кафе, в котором сидело множество людей, поглощавших совершенно одинаковые салаты. Вскоре я увидел строгую вывеску, прикрепленную к красивой деревянной балке, и понял, что нашел то, что искал.

Я вошел внутрь, пытаясь решить, как себя вести. Наши с Эми работы всегда сильно различались. Я знал ее помощницу в Лос-Анджелесе, немного по телефонным звонкам, ко-

гда что-то случалось, и по ее редким посещениям нашего дома, но она родила ребенка за пару месяцев до того, как Эми сменила работу. Эми упоминала имена своих коллег, некоторые достаточно часто, чтобы я их запомнил. Я был уверен, что слышал среди них имя Тодда. Но это вполне могло быть какой-нибудь другой Тодд. Кто знает, может, существует директива, в соответствии с которой в каждом рекламном агентстве должен работать один Тодд? Прodelать задуманное было легче по телефону – я мог сделать вид, что сижу дома и пытаюсь связаться с женой, – но мне надоело ждать ответных звонков.

Приемная была отделана в духе минимализма, и они потратили кучу денег главным образом на то, чтобы все выглядело так, будто это совсем ничего не стоило. Видимо, такие вещи производят неизгладимое впечатление на тех, кто занимается рекламой. Каждый стул стоил значительно больше, чем зарабатывала в месяц женщина, сидевшая за конторкой, но ее, похоже, это нисколько не беспокоило. Она была вся в черном, стройная, с большими глазами – очень умная, это я сразу понял, – к тому же она выглядела так, словно жила в лучшем из существующих миров и была готова поделиться с окружающими своим счастьем.

Я спросил про Тодда, и в ответ она поинтересовалась, назначена ли мне встреча.

– О нет, – пожав плечами, проговорил я, пустив в ход все свое обаяние, хотя практики в этом у меня было маловато. –

Я зашел просто так.

Она расцвела, словно более уважительной причины не может быть, и взяла телефонную трубку. В конце разговора она энергично закивала, и я решил, что мне либо разрешено пройти, либо она лишилась рассудка.

Через пять минут из-за двери с матовым стеклом, расположенной в конце коридора, появилась особа, невероятно на нее похожая, и поманила меня за собой. Я встал и последовал за ней в сторону кабинетов, находящихся за дверью. Судя по всему, эта женщина обитала в мире, качество которого определялось пятью, а то и семью звездочками, потому что она не была расположена улыбаться или болтать, хотя мне удалось узнать, что ее зовут Бьянка. Мы поднялись на лифте на два этажа, а затем долго шли по коридору, мимо комнат со стеклянными стенами, где пары мужчин с короткими стрижками работали так старательно и так творчески, что мне захотелось включить сигнал пожарной тревоги – желательнее устроив настоящий пожар.

В конце коридора она открыла дверь и подтолкнула меня внутрь.

– Тодд Крейн, – объявила она.

«Вот как», – подумал я, только сейчас поняв, что мне предстоит встретиться с одной третьей названия фирмы.

Я оказался в строгом кабинете с большими окнами с двух сторон, откуда открывался отличный вид на залив Эллиот и причалы. Остальные две стены были увешаны дипломами в

рамках, наградами и громадными снимками продукции компании, включая несколько реклам, в создании которых принимала участие Эми. Посреди комнаты стоял стол, на котором вполне можно было бы сыграть в баскетбол. Элегантный мужчина лет пятидесяти вышел из-за него мне навстречу. Хлопчатобумажные брюки, тщательно отглаженная сиреневая рубашка. Черные волосы с проседью, такие изысканные черты лица, что его вполне можно было бы показывать по телевизору в качестве рекламы чего-нибудь хорошего, качественного и дорогого, но стоящего того.

– Привет, – сказал он, протягивая мне руку. – Я Тодд Крейн.

«Кто бы сомневался, – подумал я и пожал ему руку. – И почему только я тебя уже ненавижу?»

Впрочем, он держался безупречно, и я решил, что часть его работы как раз и состоит в том, чтобы помочь постороннему человеку почувствовать себя уютно в его кабинете. На одном углу его стола стояла фотография в рамке – студийный снимок с Крейном, обнимающим ухоженную женщину, и тремя дочерьми разного возраста. Меня удивило, что фотография была повернута не к стулу Крейна, а наружу, как будто была еще одним дипломом вроде тех, что висели на стенах. В углу комнаты стоял старомодный радиоприемник, судя по всему из семидесятых, и я решил, что это один аксессуар, характеризующий индивидуальность хозяина кабинета.

– Итак, Джек, – сказал он, откинувшись на спинку стула. – Я рад, что у имени наконец появилось лицо. Поразительно, что мы не встречались раньше.

– Я не слишком часто уезжал из Лос-Анджелеса, пока мы не перебрались сюда, – ответил я.

– И что же привело вас сегодня в город? Вы ведь теперь занимаетесь писательским трудом?

– У меня тут встреча. Кроме того, Эми умудрилась оставить вчера свой мобильный телефон в такси, вот я и решил убить двух зайцев одним выстрелом и отдать ей телефон лично. Думаю, у нее уже началась ломка по поводу его отсутствия.

Тодд рассмеялся. Ха-ха-ха. Три отдельных звука, словно последовательность была создана и отработана, а потом доведена до совершенства давным-давно, годами тренировок перед зеркалом и в полном одиночестве.

Затем он замолчал, дожидаясь, когда я еще что-то скажу. Мне это показалось странным, поскольку я предполагал, что он тут же начнет выдавать мне информацию.

– Только я не знаю, как мне лучше это сделать, – проговорил я.

– Увы, я тоже не знаю, – со смущенным видом протянул Крейн.

– Я подумал, что у кого-нибудь здесь есть ее расписание.

– Не совсем так, – сказал он, сложив на груди руки и поджав губы. – Эми у нас теперь работает на выездах и зани-

мается разрешением разных проблем и конфликтных ситуаций. Разумеется, вам это известно. У нее куча проектов. Глобальный подход. Стратегия. Но формально она отчитывается перед начальством в Лос-Анджелесе. Именно они...

Он замолчал, словно в голове у него наконец что-то щелкнуло, и задумчиво на меня посмотрел.

– Хм, на этой неделе Эми нет в Сиэтле, Джек, – сказал он. – По крайней мере, она не работает сейчас с нами.

Я постарался взять себя в руки максимально быстро, но все равно моя челюсть, видимо, отвисла на пару секунд.

– Я знаю, – широко улыбаясь, ответил я. – Она поехала к друзьям. Я просто хотел знать, собиралась ли она появиться в главном штабе. Она в городе.

Тодд медленно покачал головой:

– Мне про это ничего не известно. Но возможно, вы знаете лучше. А вы пытались отыскать ее в отеле? Мы всегда резервируем номера в «Мало». Или она решила остановиться у... друзей?

– Я уже оставил у них записку. Просто хотел как можно быстрее отдать ей телефон.

– Да, я понимаю. – Тодд кивнул и снова улыбнулся. – В наше время без мобильного телефона как без рук. Жаль, но я не могу вам ничем помочь, Джек. Если она зайдет, я скажу, что вы ее ищете. Оставьте мне свой номер телефона?

– Уже оставил, – сказал я.

– Да, конечно, извините. Жуткое утро. Клиенты. Приходится иметь с ними дело. И прострелить им голову тоже нельзя, плохо для бизнеса. По крайней мере, так говорят.

Он похлопал меня по плечу и проводил по коридору, всю дорогу рассказывая, какая Эми замечательная, и рассуждая о том, что перевод ее на новый пост изменит дела компании к лучшему. Я представил себе, что точно так же он здоровается с женой и детьми по утрам, произнося речи о целях и достижениях, с заверениями в своей привязанности, причем копия отправляется его личному секретарю.

Тодд Крейн оставил меня около двери, и я прошел через вестибюль в полном одиночестве. Прежде чем снова выйти в мир, я повернул голову, и мне показалось, что за дверью с матовым стеклом кто-то стоит и наблюдает за мной.

Я медленно шел по улице и размышлял. Я не взял с собой КПК Эми, но прекрасно помнил его содержание. Три дня, заполненных встречами. Да, конечно, я не стал вдаваться в детали, и встречи теоретически могли быть в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско или Портленде – последний находился всего в трех часах езды, – но я сомневался, что перепутал города. Плюс у меня в кармане лежал ее телефон, найденный здесь прошлым вечером. Эми поехала сюда и до вчерашнего вечера, как обычно, находилась на связи. Но я не мог ее найти. В отеле ничего выяснить не удалось. На ее работе не знают, где она находится, или говорят, что не знают.

Я тоже не знал.

Улочка привела меня в тупик, над которым шла надземная дорога, которая уходила к заливу, а затем резко сворачивала налево в сторону виадука Аляска. За многие годы бетонные опоры покрылись бесчисленными граффити. Пока я их изучал, у меня возникло неприятное ощущение между лопаток.

Я медленно повернулся, как будто ничего особенного не случилось. В конце дороги я заметил нескольких человек, занимавшихся своими делами в тени шоссе, кто-то выходил из машины или, наоборот, садился в нее, другие перетаскивали с места на место какие-то предметы. Дальше находилась широкая дорога и пара пристаней, а за ними вспышки света на поверхности воды в заливе Эллиот.

Никто не смотрел в мою сторону. Все двигались, шли или сидели за рулем. У меня над головой грохотали проезжающие машины, посылая глухие вибрации сквозь дома и тротуары, так что создавалось ощущение, будто весь город издает одну бесконечную ноту.

Глава 9

Я нашел бар в центре города, занял столик у окна и заказал кофейник, а также потратил остатки своего обаяния на официантку, позволившую мне воспользоваться розеткой за стойкой, чтобы вставить в нее купленное по дороге зарядное устройство для телефона Эми. Дожидаясь, когда принесут кофе, я смотрел на людей за соседними столиками. Раньше бары являлись местом, куда вы приходили, чтобы отдохнуть от внешнего мира. Таково было их предназначение. Теперь же у меня сложилось впечатление, что здесь все пожирают бесплатный вай-фай или разговаривают по мобильным телефонам.

Никто не делал ничего достаточно интересного, чтобы отвлечь меня от голосов, наперебой говорящих у меня в голове. То, что Эми находится в городе вовсе не по делам «Керри, Крейн и Харди», можно объяснить. Это я знал. И не беспокоился. Вполне возможно, что ничего особенного не случилось – нигде, кроме как в моих собственных мыслях, и я вспомнил, как около полутора лет назад Эми вдруг начала разговаривать во сне. Сначала она бормотала что-то неразборчивое, а через некоторое время появились слова и целые предложения. Я просыпался ночь за ночью. Мы оба стали плохо спать. Она попыталась изменить диету, сократила количество кофеина и начала еще больше времени проводить

в спортивном зале по дороге на работу, но ничего не помогало. А потом все вдруг прекратилось, но прошло несколько недель, прежде чем у меня восстановился сон. Я лежал в темноте и размышлял о том, что заставляет мозг вытворять подобные вещи и как так получается, что, когда все его осознанные функции отключаются, какая-то часть продолжает о чем-то рассуждать. А еще как и почему это происходит? И с кем он разговаривает?

У меня появилось ощущение, что мой мозг начал проделывать то же самое. Та часть моего сознания, которую я контролировал, предлагала рациональное объяснение происходящего. У нее это неплохо получалось. Например, она выдвинула предположение, что Эми, возможно, находится в городе тайно, в надежде привести в «Керри, Крейн и Харди» нового клиента в подарочной упаковке, чего нельзя сделать, если ты работаешь в группе. Она жила и дышала своей карьерой. Может быть, именно это она и пыталась мне объяснить вечером, когда я слушал ее не слишком внимательно.

Но тем временем другая часть моего мозга палила наугад и во всех направлениях сразу. В самой глубине души каждого из нас есть уголок, в котором живет недоверие к порядку и желание испытать облегчение, увидев, как мир превращается в хаос, являющийся основой всего. Или это касается только меня.

Когда телефон Эми достаточно зарядился, я забрал его из-

за стойки бара. Я держал его в руках и испытывал необычное чувство. Это было единственное приспособление, с помощью которого я мог поговорить со своей женой, но сейчас телефон находился у меня, и от этого мне казалось, будто она совсем далеко.

Мы, нынешние, обрели шестое чувство благодаря изобретению электронной почты и мобильных телефонов – мы в любое время можем общаться с людьми, которых нет с нами рядом. Когда нас лишают такой возможности, нас охватывает паника и кажется, что мы ослепли. Неожиданно мне в голову пришла новая мысль, и я позвонил домой, но никто не взял трубку, только включился автоответчик. Я сказал, где я и почему, на случай, если Эми вернется домой раньше меня. Мне бы следовало почувствовать, что я поступил правильно и разумно, но почему-то возникло ощущение, будто еще одна ниточка оборвалась.

Кнопки у телефона Эми намного меньше, чем у моего. В итоге, попытавшись разобраться с меню, я поначалу оказался в разделе музыки, где обнаружилось восемь звуковых файлов, что меня удивило. Как и у любого представителя двадцать первого века, у Эми есть айпод, портативный медиапроигрыватель. Она не пользовалась телефоном, чтобы слушать музыку, и, хотя я мог себе представить, что в нем было загружено несколько песен в качестве программного обеспечения, восемь – это многовато. Семь дорожек назывались: трек 1 – трек 7, а восьмая была обозначена длинным

набором цифр. Я решил посмотреть, что представляет собой трек 1. Из микрофона зазвучала тихая музыка, старый джаз, один из скрипучих парней, живших в двадцатых. Совсем не то, что обычно любит слушать Эми, которая много раз повторяла, что она ненавидит джаз и вообще все, что было до «Блонди». Я включил следующую дорожку, потом еще одну – тот же джаз.

Я еще раз вошел в телефонную книгу, только на сей раз искал не «Керри, Крейн и Харди», а что-нибудь необычное. Но ни на чем не остановился. Я не узнавал имен, но я на это и не рассчитывал. Рабочее место твоего спутника все равно что другая планета, и ты всегда будешь там пришельцем.

Поэтому я решил заглянуть в раздел СМС-сообщений. Эми заразилась любовью к эсэмэскам от молодых ребят, работающих в их агентстве, и мы с ней частенько писали друг другу длинные послания, когда я знал, что она находится на совещании, или когда она хотела мне сообщить что-нибудь такое, что не требовало моего немедленного внимания. Обычно просто чтобы сказать «привет». Я обнаружил четыре своих письма, отправленных за несколько месяцев, парочку от ее сестры Натали, которая живет в Санта-Монике, в доме, где они с Эми родились и выросли.

И одиннадцать от кого-то, кого я не знал.

Наши с Натали сообщения были подписаны, а вот те одиннадцать – нет, только номер телефона. Каждый раз один и тот же.

Я выбрал самое раннее. Оно оказалось пустым. Письмо послано и получено, и ни одного слова. То же самое со следующим и еще с одним. Зачем отправлять письма, если в них ничего нет? Возможно, причина в том, что человек просто не умел это делать, но к третьему или четвертому сообщению уже можно было научиться. Я продолжал листать их и так привык к пустой строчке в каждом, что страшно удивился, когда в шестом появилось кое-что новенькое. Впрочем, тоже не особенно осмысленное.

да

Даже без точки. Следующие несколько сообщений снова были пустыми. И наконец я добрался до последнего.

Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет...¹⁴ :-D

Я положил телефон на стол и налил себе еще чашку кофе. Одиннадцать сообщений – это много, даже если в большинстве из них ничего не говорится. Кроме того, Эми не из тех, кто добровольно станет хранить в своем телефоне дурацкие эсэмэски, присланные ей по ошибке. Она не сентиментальна. Я уже заметил, что она сохранила только те из моих посланий, где содержалась полезная информация, которая еще может пригодиться. А все мои «думаю о тебе» она стерла. Парочку писем от Натали, как мне показалось, миновала эта участь только потому, что они ее особенно разозлили, и Эми

¹⁴ «Роза пахнет розой, / Хоть розой назови ее, хоть нет» (Шекспир У. Ромео и Джульетта. Акт II, явление 2. Перевод Б. Пастернака).

собиралась использовать их в будущем в качестве улики против сестры.

В таком случае зачем хранить чьи-то пустые послания? И при каких обстоятельствах можно получить от кого-то столько писем и не внести имя этого человека в записную книжку? Остальные были помечены «Дом» (мой номер) и «Натали». Здесь же имелся только номер телефона. Если вы поддерживаете постоянную связь, почему не сделать минимальное усилие и не записать имя такого человека? Если только ты не хочешь, чтобы оно оставалось тайной.

Я решил проверить входящие и исходящие звонки, но не нашел интересующего меня номера. Очевидно, его хозяин и Эми только переписывались, – по крайней мере, они не созванивались в течение последнего месяца.

У меня появилась новая идея, я вернулся к первому СМС-сообщению и обнаружил, что оно отправлено три месяца назад. Первое и второе разделял месяц. Потом две недели. Затем они начали приходить чаще. То, где говорилось «да», было послано шесть дней назад. А последнее, про розы, – вчера, ближе к вечеру. Эми его видела, иначе оно было бы помечено как неп прочитанное. После этого она потеряла телефон – в какой-то момент вечера, обозначенного у нее как свободный.

А потом и сама потерялась.

Я зашел в раздел отправленных писем, их список оказался коротким. Пара ответов сестре и мне. И еще одно послание,

ушедшее через две минуты после того, как она получила сообщение про розы, и выглядевшее так:

Звонок 9. Жду, когда ты бдишь гтва – сдня, чрз мси, чрз год. Чмоки.

В этот момент появилась официантка и спросила, не хочу ли я еще кофе. Я сказал, что не хочу, и попросил принести пива.

Единственное, что хорошо получалось у моего отца, – это отвечать на вопросы. В остальном ему не хватало терпения, но если ты его о чем-то спрашивал – как появилась луна, почему коты все время спят, почему вон у того мужчины только одна рука, – он всегда давал взрослый ответ. Кроме одного раза. Мне было двенадцать. Я услышал в школе, как более старший мальчишка витиевато рассуждал о смысле жизни, он сумел произвести на меня впечатление, и я задал этот вопрос отцу, надеясь, что жутко повзрослею в его глазах. Меня удивило, что он разозлился и сказал, что это глупый вопрос. Я не понял, что он имел в виду.

– Предположим, однажды вечером ты возвращаешься домой, а за твоим столом сидит какой-то человек и ест твою еду, – сказал он. – Ты не спрашиваешь его: «Какого черта ты ешь мой ужин?» – потому что он может сказать, что он голоден. И это будет ответом на вопрос, который ты ему задал. Но не на твой настоящий вопрос, который звучит так: «Какого черта ты делаешь в моем доме?»

Я по-прежнему ничего не понял, но обнаружил, что начал

время от времени вспоминать тот разговор, когда стал старше. Возможно, именно эти слова отца помогли мне работать копом и научили задавать свидетелям меньше вопросов, давая им самим рассказать то, что они знают. Он снова всплыл в моей памяти, когда я сидел в Сиэтле с первой кружкой пива в руке.

Голова у меня была тяжелой и какой-то холодной, и я начал подозревать, что сегодняшний день вряд ли закончится хорошо. А еще я понял, что мне пора перестать спрашивать, куда пропала Эми, и попытаться понять, почему она пропала.

Глава 10

Девочка стояла в зале аэропорта. Большие часы, подвешенные к потолку, показывали без двадцати четырех минут пять. У нее на глазах цифры сменились с 16:36 на 16:37. Она продолжала наблюдать, пока не стало 16:39. Ей нравилась девятка. Она не знала почему, но это было так. Записанный голос постоянно напоминал из динамиков, что здесь нельзя курить, и Мэдисон подумала, что он, наверное, ужасно раздражает всех, кто тут находится.

Она не знала, куда она отправится дальше. В течение пары минут она даже не очень понимала, где находится сейчас. Теперь же узнала портлендский аэропорт. Она уже была здесь, когда они летали во Флориду навестить маму ее мамы. Мэдисон помнила, как она ходила по маленькому книжному магазинчику «Пауэлл» и пила сок в кафе, откуда можно было наблюдать за садящимися и взлетающими самолетами. Мама нервничала перед полетом, а папа шутил, стараясь ее развеселить и успокоить. В те дни было гораздо больше шуток. Намного больше.

А сегодня? Мэдисон помнила, как утром они обсуждали поездку в продуктовый магазин в Кэннон-Бич, но так ни до чего и не договорились. Потом провели немного времени на пляже, однако день выдался ветреный и холодный, и потому они не стали гулять. Молча поели в коттедже, приготовив

то, что удалось найти, и мама осталась дома, а Мэдисон одна отправилась на берег.

А после... провал. Совсем как прошлой ночью, когда она проснулась и не могла вспомнить, что делала на пляже. Словно все затянули тучи, мешавшие видеть окружающий мир.

Мамы не было с ней здесь, в аэропорту, это не вызывало сомнений. Она бы не ушла и не оставила ее одну. Мэдисон поняла, что на ней новое пальто. И это тоже ее удивило. Она ни за что не отправилась бы на пляж в новом пальто. Она надела бы старое, потому что его не жалко испачкать в песке. Значит, она вернулась в коттедж, чтобы переодеться, а затем потихоньку выскользнула из дома.

А что потом? Как она сумела добраться до Портленда? Мэди знала, какое слово употребил бы дядя Брайан, чтобы описать случившееся, – «пертурбация». В остальном она чувствовала себя прекрасно. Как всегда. Тогда как же объяснить то, что она столько забыла? И что ей делать теперь?

Мэдисон вдруг поняла, что сжимает что-то в руке, спрятанной в кармане. Она вынула руку и увидела записную книжку, маленькую, довольно старую, в засалившемся кожаном переплете. Она ее открыла. Странички были исписаны от руки. Мэдисон прочитала первую строчку:

В начале была Смерть.

Это было написано ручкой, когда-то красными, но теперь уже бурыми чернилами, которые кое-где размазались. Кро-

ме того, она обнаружила в записной книжке рисунки, карты и картинки и имена. Одна из картинок точно повторяла рисунок на оборотной стороне визитки, которую она тоже прихватила с собой, – переплетенные девятки. Даже почерк казался таким же. А еще внутри лежал длинный листок бумаги. Билет «Юнайтед эрлайнс».

Ого! Как ей удалось его купить?

Эти вопросы ее совсем не пугали. Нисколько. Положение, в котором она оказалась, было чем-то похоже на сон. Может, сейчас главное – отправиться туда, куда она должна, а об остальном подумать потом. Да. Ей понравилась эта мысль. Так было легче.

Мэдисон прикрыла глаза, а когда открыла их, глупые вопросы, как она проехала пятьдесят миль от Кэннон-Бич до аэропорта Портленда, как купила билет, который стоит больше ста долларов, и почему она одна, перестали ее волновать.

Вместо этого она повернулась к расписанию вылетов и узнала, куда должна отправиться.

С точки зрения Джима Моргана, жизнью управляет один простой закон, который он узнал от своего дяди Клайва. Бледный, как мертвец, брат его отца всю свою жизнь провел, работая охранником на корабельном складе в Тигарде¹⁵. Он проверял въезжающие и выезжающие грузовики, пять дней в неделю, более тридцати лет. Отец Джима никогда не

¹⁵ *Тигард* – город в штате Орегон.

стеснялся показывать то, что, будучи служащим (младшим) в банке, он стоит на более высокой ступени социальной лестницы, чем его старший брат. Но вот что удивительно: в то время как его отец всю свою жизнь жаловался и чувствовал себя несчастным, дядя Клайв казался абсолютно довольным своей судьбой.

Однажды, Джиму тогда было тринадцать, его дядя весь воскресный ужин проговорил про свою работу. И не в первый раз. Родители Джима демонстративно закатывали глаза, а вот их сын неожиданно заинтересовался рассказом. Он слушал про расписания и места, куда отправлялись грузы, про организацию всего процесса и неожиданно понял, что каждый день, с восьми до четырех, провезти груз на склад и вывезти его оттуда – это все равно что протащить жирного верблюда через игольное ушко. Причем этим игольным ушком был дядя Клайв. Кто ты такой, что перевозишь, насколько срочный у тебя груз, как сильно ты спешишь и сколько раз он видел твое лицо, не имело никакого значения. Ты должен показать свой значок, пропуск или накладную. Ты должен вести себя вежливо. И держаться с дядей Клайвом по форме. Иначе он тебя не пропустит – или по меньшей мере возникнет задержка, длинные переговоры по радио, качание головой, и в конце концов ты уйдешь оттуда, как побитая собака, к тому же чувствуя себя полным идиотом. Коим ты себя и показал. Правила просты. Ты должен показать пропуск. Таков закон. А если ты не в состоянии понять настолько эле-

ментарной вещи, это уже не забота дяди Клайва.

Пятнадцать лет спустя Джим взял это правило на вооружение. Можно делать все легко, а можно усложнить себе жизнь, и всегда есть человек, в чьи обязанности вменено Богом или правительством проследить за тем, чтобы ты делал все так, как тебе говорят. А еще он понял, как нужно жить. Получай удовольствие там, где можешь, и постарайся стать королем в своем царстве. Аминь.

Царством Джима была служба безопасности портлендского аэропорта, и он правил им чрезвычайно строго. Люди стояли в очереди так, как им полагалось стоять, или им приходилось иметь дело с разъяренным Джимом – он мог без проблем остановить проверку и медленно пройти вдоль вереницы беспокойных пассажиров, чтобы сказать этим баранам в хвосте, что они должны держать линию. Тем, кто оказывался в начале, следовало действовать в соответствии с выработанной им системой. Подойти к нему мог только один человек. Все остальные (включая супруга или супругу, делового партнера, мать или духовного наставника) останавливались за желтой чертой и ждали своей очереди. В случае неповиновения он выходил вперед и произносил длинную речь о том, как им следует себя вести. У него-то на это был целый день или по меньшей мере три двухчасовые смены. Очередь, естественно, никогда не брала сторону провинившегося. Они хотели поскорее отправиться в путешествие, купить газету, сходить в туалет, да все, что угодно. И любой, кто

вставал у них пути, становился врагом. Джим придерживался политики «разделяй и властвуй», хотя ему и не приходило в голову дать такое определение своей деятельности. Ему этого и не требовалось. В его обязанности не входило что-либо объяснять. Он делал то, что следовало делать.

В шестнадцать сорок восемь в мире Джима все было прекрасно. Очередь двигалась в соответствии с установленными им правилами. Она не была слишком длинной (это указывало бы на то, что он плохо работает), но и не короткой (что говорило бы о том, что он недостаточно тщательно все делает, а это еще хуже) и очень ровной и прямой. Джим коротко кивнул восьмидесятилетней жительнице Небраски, которая – в чем он убедился – не провозила с собой зажигалку, пистолет или ядерную бомбу, и направил ее к рентгену, а затем не спеша повернулся к очереди.

Впереди стояла маленькая девочка. Лет девяти или десяти, длинные волосы. Ему показалось, что она одна.

Джим махнул рукой, показывая, чтобы она подошла. Она так и сделала. Он приподнял голову, что означало «покажите документы и позаботьтесь о том, чтобы проделать это в правильном (хотя никто не знал каком) порядке, иначе я выставлю вас полным идиотом перед всей очередью».

– Здравствуйте, – сказала девочка и улыбнулась.

Это была милая улыбка из тех, которые гарантируют второй или даже третий поход в игрушечный магазин, улыбка маленькой девочки, отлично умеющей заставлять людей де-

лать то, что ей хочется.

Джим не стал улыбаться ей в ответ. Безопасность дело серьезное.

– Билет.

Она тут же протянула ему билет, и он его рассматривал в три раза дольше, чем было необходимо. Не сводя глаз с листка бумаги, в котором не было ничего загадочного, он сурово спросил:

– Сопровождающий взрослый?

– Извините?

Он медленно поднял голову:

– Где она? Или он?

– Что? – спросила удивленно девочка.

Джим приготовился произнести свою стандартную речь по поводу нарушения процедуры, достаточно суровую. Но перед ним был ребенок. Двое мужчин, стоявших в очереди за ней, заинтересовались происходящим, и Джим не мог просто взять и стереть ее в порошок.

Он неумело улыбнулся.

– Кто-нибудь из взрослых должен проводить тебя к вылету, – сказал он. – Таков закон.

– Правда? – спросила она. – А вы уверены?

– Хм. «Ребенка, путешествующего одного, должен проводить к воротам один из родителей или взрослый, отвечающий за его безопасность, – процитировал он правила. – Этот взрослый должен оставаться в аэропорту до тех пор, пока ре-

бенок не сядет в самолет и он не взлетит». Кроме того, все это должно быть организовано заранее. Ты не можешь просто подойти к воротам и полететь, куда ты там собралась, детка.

– Но... я собираюсь навестить тетю, – сказала девочка, и в ее голосе появились панические нотки. – Она меня ждет и будет волноваться.

– Ну, возможно, твоей маме следовало убедиться в том, что ты...

– Пожалуйста, послушайте, я правда не одна. Они... вышли покурить. Они, честное слово, сейчас вернутся.

Джим покачал головой:

– Даже если я тебя сейчас пропущу, а я не стану этого делать, у выхода на поле будет еще одна проверка. Тебя не подпустят к самолету без взрослых.

Улыбка на лице девочки медленно погасла.

– Мне очень жаль, малышка, – сказал Джим, изо всех сил стараясь скрыть тот факт, что ему совсем не жаль.

Девочка мгновение смотрела на него, а потом тихо сказала:

– Тебе это еще отрыгнется.

Потом поднырнула под веревку ограждения и затерялась в зале среди других пассажиров.

Джим, раскрыв от удивления рот, смотрел ей вслед. Когда дело доходило до детей, он оказывался на незнакомой территории. Но... может быть, ему следовало ее догнать? Убе-

диться в том, что она действительно не одна?

С другой стороны, очередь становилась все длиннее, и кое-кто уже начал терять терпение, а если быть честным до конца, Джиму было совершенно все равно. Больше всего на свете он хотел доработать смену, вернуться домой, выпить пару бутылок пива перед телевизором, а потом зайти на какой-нибудь порносайт.

Разумеется, все это чушь, всего лишь фраза, которую девочка услышала в кино. Но что-то в ее тоне заставило его подумать, что, будь она на полметра выше, он отнесся бы к ее угрозе серьезно. Даже несмотря на то, что она женского пола. Ему совсем не хотелось делиться с кем-нибудь своими ощущениями. Поэтому он занялся следующим человеком в очереди, который оказался французом, и хотя у него имелся паспорт, он был не американским, что давало Джиму право дольше и внимательнее изучать документы, а затем посмотреть на него подозрительным взглядом, говорившим: «И не надейся, что мы забыли про ваши выступления по поводу Ирака». И Джим Первый Грозный снова стал Королем Очереди.

Он не вспоминал про маленькую пассажирку, пока на следующий день не появились детективы и он не понял, что упустил возможность помешать девятилетней девочке исчезнуть в неизвестном направлении. И тогда он узнал, что во Вселенной имеются совсем крошечные дырочки, сквозь одну из которых его будут некоторое время таскать взад и

вперед.

А Мэдисон тем временем вышла из здания аэропорта и с грустным видом остановилась на тротуаре.

И что теперь?

Нахмурившись и пытаясь вспомнить, почему она была так уверена, что должна куда-то лететь, когда сесть в такси и поехать домой к отцу было бы разумнее всего, она заметила мужчину, который стоял метрах в трех от нее и курил. Он смотрел на нее с таким видом, словно не понимал, что она здесь делает одна, без взрослых. Он показался ей хорошим человеком, из тех, кто мог спросить, все ли у нее в порядке, а Мэдисон не знала, как ответить на такой вопрос. Да и вообще она боялась разговаривать, потому что вела себя с мужчиной в аэропорту почти грубо, что было совсем на нее не похоже. Мэди всегда была вежливой, особенно со взрослыми.

Она быстро перешла на другую сторону улицы и вошла на многоэтажную парковку, как будто с самого начала именно туда и направлялась. Когда она увидела курящего мужчину, у нее зашевелились воспоминания об исчезнувших из ее памяти событиях сегодняшнего дня. Другой мужчина посмотрел на нее после того, как она... Конечно!

Вот как она добралась до города.

Автобусом, дурочка. Она приехала на автобусную станцию Грейхаунд на Северо-Западной Шестой авеню, затем долго шла в поисках какого-то адреса. Она знала это место,

хотя не имела ни малейшего представления о том, где оно на самом деле находится. Район был не слишком приятным. Множество забитых досками магазинов, а над ними буквы, из которых никак не складывались английские слова. Повсюду картонные коробки и запах гниющих продуктов. Припаркованные у тротуаров машины выглядели старыми, а еще этот район отличался от тех, что Мэдисон хорошо знала в Портленде, и у нее возникло ощущение, что здесь живут одни мужчины. Мужчины стояли в грязных передниках в грязных продуктовых лавочках. Мужчины стояли в дверях домов, сами по себе или с такими же, как они, никто не разговаривал, только провожал взглядом тех, кто проходил мимо. Мужчины, обдуваемые ветром на углах улиц. Белые, черные и азиаты – но почему-то они были похожи друг на друга, и казалось, будто они все связаны какой-то общей тайной. Может быть, мама именно это имела в виду, когда говорила, что цвет кожи не имеет значения. В какой-то момент появился один мужчина, точнее, их было двое. Они вели на цепи собаку и направлялись прямо к Мэдисон. Чем ближе они подходили, тем чаще оглядывались. Но тут собака будто взбесилась, и они перешли на другую сторону.

Нашла ли она то место, которое искала? Этого она не помнила. Но Мэдисон знала, что, когда она вышла из дома сегодня утром, маленькой записной книжки у нее не было. Так что, может, ей кто-то ее дал. Хорошо. Будем считать, что кое-что стало ясно: она добралась до Портленда на автобусе.

Как только она заполнит все пробелы, жизнь снова будет прежней.

Внутри парковки было темно и прохладно. Люди входили и выходили с чемоданами на колесиках, которые издавали тихие трескучие звуки. Машины выезжали со своих мест и устремлялись на дорогу. Большие белые, желтые, красные автобусы с названиями отелей высаживали людей или забирали их. Здесь было полно народа и никто никого не знал. Это хорошо. Мэдисон решила найти уголок, где она сможет посидеть и спокойно подумать. Она прошагала по одному из проходов между рядами машин. Все вокруг разговаривали, смеялись, платили водителям такси, присматривали за своими детьми. Она будто стала невидимкой. Все это что-то ей напомнило, только она не могла вспомнить что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.